

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЛОВНИК ЗАИМСТВОВАННОЙ БАТАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л.Н.ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)

Лексема	Страница в диссертации	Время фиксации в русском языке	Примеры употребления
абордаж (3*)	32,46	1755**	<p><i>Герасим и дворник, шедшие следом за Макар Алексеичем, остановили его в сенях и стали отнимать пистолет. Пьер, выйдя в коридор, с жалостью и отвращением смотрел на этого полусумасшедшего старика. Макар Алексеич, морщась от усилий, удерживал пистолет и кричал хриплым голосом, видимо, себе воображая что-то торжественное.</i></p> <p>– К оружию! На абордаж! Врешь, не отнимешь! – кричал он.</p> <p>– Будет, пожалуйста, будет. Сделайте милость, пожалуйста, оставьте. Ну, пожалуйста, барин... – говорил Герасим, осторожно за локти стараясь поворотить Макар Алексеича к двери.</p> <p>– Ты кто? Бонапарт!.. – кричал Макар Алексеич.</p> <p>– Это нехорошо, сударь. Вы пожалуйста в комнаты, вы отдохните. Пожалуйста пистолетик.</p> <p>– Прочь, раб презренный! Не прикасайся! Видел? – кричал Макар Алексеич, потрясая пистолетом. – На абордаж! [Толстой 2:358].</p> <p>– На абордаж!!! – закричал пьяный, нажимая спуск пистолета. Французский офицер обернулся на крик, и в то же мгновение Пьер бросился на пьяного. В то время как Пьер схватил и приподнял пистолет, Макар Алексеич попал, наконец, пальцем на спуск, и раздался оглушивший и обдавший всех пороховым дымом выстрел. Француз побледнел и бросился назад к двери [Толстой 2:358].</p>
авангард (9) avant-garde*** (1)	29,115, 116	1707	<p><i>Au prince Murat. Schoenbrunn, 25 brumaire en 1805 à huit heures du matin. «Il m'est impossible de trouver des termes pour vous exprimer mon mécontentement. Vous ne commandez que mon avant-garde et vous n'avez pas le droit de faire d'armistice sans mon ordre. Vous me faites perdre le fruit d'une campagne. Rompez l'armistice sur-le-champ et Marchez à l'ennemi. Vous lui ferez déclarer, que le général qui a signé cette capitulation, n'avait pas le droit de le faire, qu'il n'y a que l'Empereur de Russie qui ait ce droit.</i></p> <p>[Принцу Мюрату. Шенбрюнн, 25 брюмера 1805 г. 8 часов утра. Я не могу найти слов чтоб выразить вам мое неудовольствие. Вы командуете только моим авангардом и не имеете права делать перемирие без моего приказа. Вы ставяете меня потерять плоды целой кампании. Немедленно разорвите перемирие и идите против неприятеля. Вы объявите ему, что генерал, подписавший эту капитуляцию, не имел на это права, и никто не имеет, исключая лишь российского императора [Толстой 1:211].</p> <p>Случайно оглядывая эскадрон, глаза государя встретились с глазами Ростова и не более как на две секунды остановились на них. Понял ли государь, что делалось в душе Ростова (Ростову казалось, что он всё понял), но он посмотрел секунды две своими голубыми глазами в лицо Ростова. (Мягко и кротко лился из них свет.) Потом вдруг он приподнял брови, резким движением ударил левой ногой лошадь и галопом поехал вперед. Молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в 12 часов, отделившись от 3-й колонны, при которой он следовал, поскакал к авангарду. Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известием о счастливом исходе дела [Толстой 1:312].</p>

			<p>Французы, как доносил лазутчик, перейдя мост в Вене, усиленным маршем или на Цнайм, лежавший на пути отступления Кутузова, впереди его более чем на сто верст. Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило навверное подвергнуть всю армию позору, подобному ульмскому, или общей гибели. Но предупредить французов со всею армией было невозможно. Дорога французов от Вены до Цнайма была короче и лучше, чем дорога русских от Кремса до Цнайма. В ночь получения известия Кутузов послал четырехтысячный авангард Багратиона направо горами с кремско-цнаймской дороги на венско-цнаймскую. Багратион должен был пройти без отдыха этот переход, остановиться лицом к Вене и задом к Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французов, то он должен был задерживать их, сколько мог. Сам же Кутузов со всеми тяжестями тронулся к Цнайму [Толстой 1:209].</p>
аванпост (11)	115,119	–	<p>18 и 19 ноября войска прошли еще два перехода вперед, и неприятельские аванпосты после коротких перестрелок отступали. В высших сферах армии с полдня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движение, продолжавшееся до утра следующего дня, 20-го ноября, в который дано было столь памятное Аустерлицкое сражение [Толстой 2010: 1:315]; Несмотря на то, что положение французского войска и его численность были неизвестны русским, как скоро изменилось отношение, необходимость наступления тотчас же выразилась в бесчисленном количестве признаков. Признаками этими были: и присылка Лористона, и изобилие провианта в Тарутине, и сведения, приходившие со всех сторон о бездействии и беспорядке французов, и комплектование наших полков рекрутами, и хорошая погода, и продолжительный отдых русских солдат, и обыкновенно возникающее в войсках вследствие отдыха нетерпение исполнять то дело, для которого все собраны, и любопытство о том, что делалось во французской армии, так давно потерянной из виду, и смелость, с которою теперь шныряли русские аванпосты около стоявших в Тарутине французов, и известия о легких победах над французами мужиков и партизанов, и зависть, возбуждаемая этим, и чувство мести, лежавшее в душе каждого человека до тех пор, пока французы были в Москве, и (главное) неясное, но возникшее в душе каждого солдата сознание того, что отношение силы изменилось теперь и преимущество находится на нашей стороне [Толстой 2:466].</p> <p>Мюрат, встретив слабый отряд Багратиона на цнаймской дороге, подумал, что это была вся армия Кутузова. Чтобы несомненно раздавить эту армию, он поджидал отставшие по дороге из Вены войска и с этою целью предложил перемирие на три дня, с условием, чтобы те и другие войска не изменяли своих положений и не трогались с места. Мюрат уверял, что уже идут переговоры о мире и что потому, избегая бесполезного пролития крови, он предлагает перемирие. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона [Толстой 1:210].</p> <p>На заре 17-го числа в Вишау был препровожден с аванпостов французский офицер, приехавший под парламентарским флагом, требуя свидания с русским императором. Офицер этот был Савари. Государь только что заснул, и потому Савари должен был дожидаться. В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на аванпосты французской армии [Толстой 1:314].</p> <p>– Но в какой же позиции мы атакуем его? Я был на аванпостах нынче, и нельзя решить, где он именно стоит с главными силами, – сказал князь Андрей. Ему хотелось высказать Долгорукову свой, составленный им, план атаки.</p> <p>– Ах, это совершенно всё равно, – быстро заговорил Долгоруков, вставая и раскрывая карту на столе. – Все случаи предвидены: ежели он стоит у Брюнна... И князь Долгоруков быстро и неясно рассказал план флангового движения Вейротера [Толстой 1:317].</p>
армейский (9)	46,108	–	<p>Вскоре после вечера Анны Павловны Анна Михайловна вернулась в Москву, прямо к своим богатым родственникам Ростовым, у которых она стояла в Москве и у которых с детства воспитывался и годами жил ее обожаемый Боренька, только что произведенный в армейские и тотчас же переведенный в гвардейские прапорщики [Толстой 1:46].</p> <p>Но, взглянув на Бориса, он увидел, что и ему как будто стыдно за армейского гусара. Несмотря на неприятный насмешливый тон князя Андрея, несмотря на общее презрение, которое с своей армейской боевой точки зрения имел Ростов ко всем этим штабным адъютантикам, к которым, очевидно, причислялся и вошедший, Ростов почувствовал себя скон-</p>

			фуженным, покраснел и замолчал [Толстой 1:297].
армия (479)	38,46, 108,148	1711	<p>Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки русской армии и истребить ее, для того, чтобы выговорить выгодный мир или, в случае отказа, сделать угрожающее движение на Петербург, для того, чтобы даже, в случае неудачи, вернуться в Смоленск или в Вильну, или остаться в Москве, – для того, одним словом, чтобы удержать то блестящее положение, в котором находилось в то время французское войско, казалось бы, не нужно особенной гениальности. Для этого нужно было сделать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимние одежды, которых достало бы в Москве на всю армию, и правильно собрать находившийся в Москве более чем на полгода (по показанию французских историков) провиант всему войску. Наполеон, этот гениальнейший из гениев и имевший власть управлять армиею, как утверждают историки, ничего не сделал этого [Толстой 2:478].</p> <p>К Кутузову накануне прибыл член гофкригстата из Вены, с предложениями и требованиями идти как можно скорее на соединение с армией эрцгерцога Фердинанда и Мака, и Кутузов, не считая выгодным это соединение, в числе прочих доказательств в пользу своего мнения намеревался показать австрийскому генералу то печальное положение, в котором приходили войска из России [Толстой 1:141].</p> <p>Князь Андрей почувствовал, что либо из всех дел, занимавших военного министра, действия кутузовской армии менее всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру [Толстой 1:187].</p> <p>Лазутчик доносил, что французы в огромных силах, перейдя венский мост, направились на путь сообщения Кутузова с войсками, шедшими из России. Ежели бы Кутузов решился оставаться в Кремсе, то полуторастатысячная армия Наполеона отрезала бы его от всех сообщений, окружила бы его сорокатысячную изнуренную армию, и он находился бы в положении Мака под Ульмом [Толстой 1:209].</p>
арсенал (2) arsenal (1)	38,46	1714	<p>Эти слова в первый раз ясно показали Пьеру, что французы будут в Москве. Во второй афише говорилось, что главная квартира наша в Вязьме, что граф Витгенштейн победил французов, но что так как многие жители желают вооружиться, то для них есть приготовленное в арсенале оружие: сабли, пистолеты, ружья, которые жители могут получить по дешевой цене.</p> <p>– <i>Enlevez-moi ça, [Уберите это.]</i> – сказал офицер, указывая на бревна и трупы; и французы, добив раненых, перебросили трупы вниз за ограду. Кто были эти люди, никто не знал. «<i>Enlevez-moi ça</i>», – сказано только про них, и их выбросили и прибрали потом, чтобы они не воняли. Один Тьер посвятил их памяти несколько красноречивых строк: «<i>Ces misérables avaient envahi la citadelle sacrée, s'étaient emparés des fusils de l'arsenal, et tiraient (ces misérables) sur les Français. On en sabra quelques'uns et on purgea le Kremlin de leur présence. [Эти несчастные наполнили священную крепость, овладели ружьями арсенала и стреляли во французов. Некоторых из них порубили саблями, и очистили Кремль от их присутствия.]</i>» [Толстой 2:352].</p>
артиллерийский (7)	46,100	1702	<p>Впереди себя он видел наших артиллеристов, из которых одни дрались, другие бросали пушки и бежали к нему навстречу; он видел и французских пехотных солдат, которые хватили артиллерийских лошадей и поворачивали пушки [Толстой 1:343].</p> <p>– Ну, что ж это, господа, – сказал штаб-офицер тоном упрека, как человек, уже несколько раз повторявший одно и то же. – Ведь нельзя же отлучаться так. Князь приказал, чтобы никого не было. Ну, вот вы, г. штабс-капитан, – обратился он к маленькому, грязному, худому артиллерийскому офицеру, который без сапог (он отдал их сушить маркитанту), в одних чулках, встал перед вошедшими, улыбаясь не совсем естественно.</p> <p>– Ну, как вам, капитан Тушин, не стыдно? – продолжал штаб-офицер, – вам бы, кажется, как артиллеристу надо пример показывать, а вы без сапог. Забьют тревогу, а вы без сапог очень хороши будете. (Штаб-офицер улыбнулся.) [Толстой 1:213].</p>
артиллерия (37)	46,95, 97,148	1698	<p>С раннего утра начались напряженные хлопоты и усилия, и в 10 часов всё пришло в требуемый порядок. На огромном поле стали ряды. Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота [Толстой 1:299].</p>

			<p>Как только рассветало, начиналось движение. Обозы, артиллерия беззвучно шли по ступицу, а пехота по щиколку в мягкой, душиной, не остывшей за ночь, жаркой пыли [Толстой 2:123].</p> <p>Впереди была пустыня, по которой кое-где шевелились кучки наших разъездных казаков. Вдруг на противоположном возвышении дороги показались войска в синих капотах и артиллерия. Это были французы [Толстой 1:176].</p> <p>Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон подумал несколько времени молча и указал на места, на которых должны были быть устроены к завтраму две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия [Толстой 2:218].</p> <p>Генерал Сорбье должен быть готов по первому приказанию вынестись со всеми гаубицами гвардейской артиллерии против одного либо другого укрепления [Толстой 2:219].</p> <p><i>Dans cet état de choses, l'intérêt du service de Votre Majesté exige, quelles que soient ses vues ultérieures qu'on rallie l'armée a Smolensk en commençant a la débarrasser des non-combattans, tels que hommes démontés et des bagages inutiles et du matériel de l'artillerie qui n'est plus en proportion avec les forces actuelles</i> (Какие бы ни были ваши дальнейшие намерения, но польза службы вашего величества требует собрать корпуса в Смоленске и отделить от них спешенных кавалеристов, безоружных, лишние обозы и часть артиллерии, ибо она теперь не в соразмерности с числом войск) [Толстой 2:556].</p>
арьергард / арьергард (6/7)	29,115, 121,148	1715	<p>Ростов, подъехав к Багратиону, рапортовал ему и присоединился к адъютантам, прислушиваясь к тому, что говорили генералы.</p> <p>– Поверьте, – говорил князь Долгоруков, обращаясь к Багратиону, – что это больше ничего как хитрость: он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтобы обмануть нас.</p> <p>– Едва ли, – сказал Багратион, – с вечера я их видел на том бугре; коли ушли, так и оттуда снялись. Г. офицер, – обратился князь Багратион к Ростову, – стоят там еще его фланкёры?</p> <p>– С вечера стояли, а теперь не могу знать, ваше сиятельство. Прикажите, я съезжу с гусарами, – сказал Ростов [Толстой 1:327].</p> <p>Багратион, зная Болконского за любимого и доверенного адъютанта, принял его с особенным начальническим отличием и снисхождением, объяснил ему, что, вероятно, нынче или завтра будет сражение, и предоставил ему полную свободу находиться при нем во время сражения или в арьергарде наблюдать за порядком отступления, «что тоже было очень важно».</p> <p>– Впрочем, нынче, вероятно, дела не будет, – сказал Багратион, как бы успокоивая князя Андрея.</p> <p>«Ежели это один из обыкновенных штабных франтиков, посылаемых для получения крестика, то он и в арьергарде получит награду, а ежели хочет со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицер», подумал Багратион [Толстой 1:212].</p>
арьергардный (1)	46,122	–	<p>Преследуемая сотысячною французскою армией под начальством Бонапарта, встречаемая враждебно-расположенными жителями, не доверяя более своим союзникам, испытывая недостаток продовольствия и принужденная действовать вне всех предвидимых условий войны, русская тридцатипятитысячная армия, под начальством Кутузова, поспешно отступала вниз по Дунаю, останавливаясь там, где она бывала настигнута неприятелем, и отбиваясь арьергардными делами, лишь насколько это было нужно для того, чтоб отступить, не теряя тяжести [Толстой 1:184].</p>
атака (54)	32,45,46	1704	<p>Ему представлялись лишь следующего рода крупные случайности: «Ежели неприятель поведет атаку на правый фланг, – говорил он сам себе, – Киевский гренадерский и Подольский егерский должны будут удерживать свою позицию до тех пор, пока резервы центра не подойдут к ним. В этом случае драгуны могут ударить во фланг и опрокинуть их. В случае же атаки на центр, мы выставляем на этом возвышении центральную батарею и под ее прикрытием стягиваем левый фланг и отступаем до оврага эшелонами», рассуждал он сам с собою... [Толстой 1:218].</p>
атаковать (49)	46	1705	<p>А вместе с тем сейчас же после сражения, на другое утро, французское войско (по той стремительной силе движения, увеличенного теперь как бы в обратном отношении квадратов расстояний) уже надвигалось само собой на русское войско. Кутузов хотел атаковать на другой день, и вся армия хотела этого. Но для того чтобы атаковать, недостаточ-</p>

			<p>но желая сделать это; нужно, чтоб была возможность это сделать, а возможности этой не было [Толстой 2:269].</p> <p>Если бы под Красной Пахрой русская армия, по совету Бенигсена и Баркляя, дала бы сражение? Что бы было, если бы французы атаковали русских, когда они шли за Пахрой? Что бы было, если бы впоследствии Наполеон, подойдя к Тарутину, атаковал бы русских хотя бы с одной десятой долей той энергии, с которой он атаковал в Смоленске? Что бы было, если бы французы пошли на Петербург?.. При всех этих предположениях спасительность флангового марша могла перейти в пагубность [Толстой 2:463].</p> <p>Кутузов молча ехал на своей серенькой лошадке, лениво отвечая на предложения атаковать.</p> <p>– У вас все на языке атаковать, а не видите, что мы не умеем делать сложных маневров, – сказал он Милорадовичу, просившемуся вперед [Толстой 2:475].</p>
атаковавший (1)	46	1705	<p>Французам, атаковавшим русскую армию с целью сбить ее с позиции, должно было сделать это усилие, потому что до тех пор, пока русские, точно так же как и до сражения, загоразживали дорогу в Москву, цель французов не была достигнута и все их усилия и потери пропали даром [Толстой 2:263].</p>
атакованный (4)	46	1705	<p>Но левый фланг, который одновременно был атакован и обходим превосходными силами французов под начальством Ланна и который состоял из Азовского и Подольского пехотных и Павлоградского гусарского полков, был расстроен [Толстой 1:229].</p> <p>Стараясь как можно язвительнее оскорбить Вейротера в его авторском военном самолюбии, Ланжерон доказывал, что Бонапарте легко может атаковать, вместо того, чтобы быть атакованным, и вследствие того сделать всю эту диспозицию совершенно бесполезною [Толстой 1:322].</p> <p>Генерал Буксгевден чуть-чуть не был атакован и взят превосходными неприятельскими силами, вследствие одного из таких маневров, спасавших нас от него [Толстой 1:459].</p>
атакующий (3)	46	1705	<p>Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвав ее так, объяснили ее значение. Между тем такого рода война не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна известному и признанному за непогрешимое тактическому правилу. Правило это говорит, что атакующий должен сосредоточивать свои войска с тем, чтобы в момент боя быть сильнее противника [Толстой 2:516].</p> <p>Наполеон же после своего долгого опыта войны знал хорошо, что значило в продолжение восьми часов, после всех употреблённых усилий, невыигранное атакующим сражение. Он знал, что это было почти проигранное сражение и что малейшая случайность могла теперь – на той натянутой точке колебания, на которой стояло сражение, – погубить его и его войска [Толстой 2:244].</p> <p>Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена [Толстой 2:264].</p>
баталия (1)	32,46	1697	<p>В газетах, из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении, было написано, как и всегда, весьма кратко и неопределенно, о том, что русские после блестящих баталий должны были отретироваться и ретираду произвели в совершенном порядке [Толстой 1:392].</p>
батальный (1)	46	–	<p>Князь Багратион благодарил отдельных начальников и расспрашивал о подробностях дела и о потерях. Полковой командир, представлявшийся под Браунау, докладывал князю, что, как только началось дело, он отступил из леса, собрал дроворубов и, пропустив их мимо себя, с двумя батальонами ударил в итыки и опрокинул французов.</p> <p>– Как я увидал, ваше сиятельство, что первый батальон расстроен, я стал на дороге и думаю: «пропущу этих и встречу батальным огнем»; так и сделал [Толстой 1:242].</p>
батальон / баталион (43/15) bataillon (3)	29,38,40, 105,148	1697	<p>Офицер посылает за Ауэрспергом; господа эти обнимают офицеров, шутят, садятся на пушки, а между тем французский баталион незамеченный входит на мост, сбрасывает мешки с горючими веществами в воду и подходит к <i>tête de pont</i> [Толстой 1:200].</p> <p>Князь Багратион приказал двум баталионам из центра идти на подкрепление направо. Свитский офицер осмелился заметить князю, что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия [Толстой 1:223].</p>

			<p>Приказ Наполеона был следующий: «Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтобы отомстить за австрийскую, ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем, – могущественны, и пока они будут идти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг! Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами [Толстой 1:329].</p> <p>Тут произошла та атака, про которую Тьер говорит: «Les russes se conduisirent vaillamment, et chose rare à la guerre, on vit deux masses d'infanterie marcher résolument l'une contre l'autre sans qu'aucune des deux céda avant d'être abordée»; а Наполеон на острове Св. Елены сказал: «Quelques bataillons russes montrèrent de l'intrépidité». [Русские вели себя доблестно, и вещь – редкая на войне, две массы пехоты шли решительно одна против другой, и ни одна из двух не уступила до самого столкновения. Слова Наполеона: [Несколько русских батальонов проявили бесстрашие.] [Толстой 1:228].</p> <p>– Искусный полководец, – сказал Пьер, – ну, тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника.</p> <p>– Да это невозможно, – сказал князь Андрей, как будто про давно решенное дело.</p> <p>Пьер с удивлением посмотрел на него.</p> <p>– Однако, – сказал он, – ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.</p> <p>– Да, – сказал князь Андрей, – только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна [Толстой 2:208].</p>
батальонный (11)	46	–	<p>Полковой командир был пожилой, сангвинический, с седеющими бровями и бакенбардами генерал, плотный и широкий больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому...</p> <p>– Ну, батюшка Михайло Митрич, – обратился он к одному батальонному командиру (батальонный командир улыбаясь подался вперед; видно было, что они были счастливы), – досталось на орехи нынче ночью. Однако, кажется, ничего, полк не из дурных... А? Батальонный командир понял веселую иронию и засмеялся [Толстой 1:140].</p> <p>Кутузов в это утро казался изнуренным и раздражительным. Шедшая мимо его пехота остановилась без приказанья, очевидно, потому, что впереди что-нибудь задержало ее.</p> <p>– Да скажите же, наконец, чтобы строились в батальонные колонны и шли в обход деревни, – сердито сказал Кутузов подъехавшему генералу. – Как же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по этому дефилюе улицы деревни нельзя, когда мы идем против неприятеля [Толстой 1:336].</p> <p>Красноносый капитан Тимохин, бывший ротный командир Долохова, теперь, за ублылю офицеров, батальонный командир, робко вошел в сарай. За ним вошли адъютант и казначей полка [Толстой 2:205].</p> <p>С каждым новым ударом все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тех, которые еще не были убиты. Полк стоял в батальонных колоннах на расстоянии трехсот шагов, но, несмотря на то, все люди полка находились под влиянием одного и того же настроения. Все люди полка одинаково были молчаливы и мрачны [Толстой 2:251].</p>
батареинный (2)	46	–	<p>– Les munitions des pièces de position sont épuisées, sire! [Батарейных зарядов больше нет, ваше величество!] – сказал в это время адъютант, приехавший с батареей, стрелявших по Аугесту [Толстой 1:356].</p> <p>Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батареинной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах [Толстой 1:236].</p>
батарея (86)	38,134, 139,148	1697	<p>Пушки с этой батареей беспрестанно одна за другой стреляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховым дымом [Толстой 2:232].</p> <p>К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареей; два орудия были разбиты, чаще и чаще на батареей попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батареей, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки [Толстой 2:233].</p> <p>Пространная перспектива, раскрывавшаяся с возвышения, где стояли русские батареи, защищавшие мост, то вдруг</p>

			<p>затягивалась кисейным занавесом косо дождя, то вдруг расширялась, и при свете солнца далеко и ясно становились видны предметы, точно покрытые лаком [Толстой 1:169].</p> <p>На той стороне простым глазом виден был неприятель и его батарея, из которой показался молочно-белый дымок. Вслед за дымком раздался дальний выстрел, и видно было, как наши войска зашпешили на переправе [Толстой 1:170].</p> <p>Ростов, выехав вперед, командовал: «Марш! – и, вытянувшись в четыре человека, гусары, звуча шлепаньем копыт по мокрой дороге, брэнчаньем сабель и тихим говором, тронулись по большой, обсаженной березами дороге, вслед за шедшей впереди пехотой и батареей [Толстой 2:64].</p> <p>Эскадрон объехал пехоту и батарею, также торопящуюся идти скорее, спустился под гору и, пройдя через какую-то пустую, без жителей, деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмывливаться, люди раскраснелись [Толстой 2:65].</p> <p>Пьер пошел на батарею, и адъютант поехал дальше. Большие они не видались, и уже гораздо после Пьер узнал, что этому адъютанту в этот день оторвало руку. Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи, или батареи Раевского, а у французов под именем <i>la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre</i> [большого редута, рокового редута, центрального редута] место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции [Толстой 2:231].</p>
бивак (6) bivac (1)	32,38,46	1804	<p>«От всех моих поездок, écrit-il à l'Empereur, получил ссадину от седла, которая сверх прежних перевозок моих совсем мне мешает ездить верхом и командовать такой обширной армией, а потому я командование оной сложил на старшего по мне генерала, графа Буксгевдена, отослав к нему всё дежурство и всё принадлежащее к оному, советовав им, если хлеба не будет, ретироваться ближе во внутренность Пруссии, потому что оставалось хлеба только на один день, а у иных полков ничего, как о том дивизионные командиры Остерман и Седморецкий объявили, а у мужиков всё съедено; я и сам, пока вылечусь, остаюсь в госпитале в Остроленке. О числе которого ведомость всеподданнейше подношу, донеся, что если армия простоят в нынешнем биваке еще пятнадцать дней, то весной ни одного здорового не останется [Толстой 1:457].</p> <p>Пьеру стало неловко и даже тяжело в обществе своего друга. Он замолчал.</p> <p>– А вот что, душа моя, – сказал князь Андрей, которому очевидно было тоже тяжело и стеснительно с гостем, – я здесь на биваках, и приехал только посмотреть [Толстой 1:468].</p> <p>В апреле месяце войска оживились известием о приезде государя к армии. Ростову не удалось попасть на смотр который делал государь в Бартенштейне: павлоградцы стояли на аванпостах, далеко впереди Бартенштейна. Они стояли биваками [Толстой 1:487].</p> <p>Павлоградские два эскадрона стояли биваками, среди выбитого дотла скотом и лошадьми, уже выколосившегося ржаного поля [Толстой 2:59].</p> <p>Прежде громко шумевший треском костров и говором людей, огромный, нескончаемый бивак затихал; красные огни костров потухали и бледнели [Толстой 2:500].</p> <p><i>En outre les jours de repos, des subsistances sont nécessaires aux soldats qui sont exténués par la faim et la fatigue; beaucoup sont morts ces derniers jours sur la route et dans les bivacs.</i> [Необходимо продовольствие и несколько дней покоя; солдаты изнурены голодом и усталостью; в последние дни многие умерли на дороге и на биваках] [Толстой 2:556].</p>
бивачный (1)	46	–	<p>Войска авангарда расположились впереди Вишю, в виду цепи неприятельской, уступавшей нам место при малейшей перестрелке в продолжение всего дня. Авангарду объявлена была благодарность государя, обещаны награды, и людям роздана двойная порция водки. Еще веселее, чем в прошлую ночь, трещали бивачные костры и раздавались солдатские песни [Толстой 1:313].</p>
бомбардирование (2)	46	1700	<p>С разных сторон слышались свисты, удары ядер и лопанье гранат, падавших в городе. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали внимания жителей в сравнении с звуками пальбы, слышными за городом. Это было бомбардирование, которое в пятом часу приказал открыть Наполеон по городу, из ста тридцати орудий. Народ первое время не понимал значения этого бомбардирования. Звуки падавших гранат и ядер возбуждали сначала только любопытство. Жена Фера-</p>

			<p>понта, не перестававшая до этого выть под сараем, умолкла и с ребенком на руках вышла к воротам, молча приглядываясь к народу и прислушиваясь к звукам.</p> <p>К воротам вышли кухарка и лавочник. Все с веселым любопытством старались увидеть проносившиеся над их головами снаряды. Из-за угла вышло несколько человек людей, оживленно разговаривая.</p> <p>– То-то сила! – говорил один. – И крышку и потолок так в щепки и разбило.</p> <p>– Как свинья и землю-то взрыло, – сказал другой. – Вот так важно, вот так подбодрил! – смеясь, сказал он. – Спасибо, отскочил, а то бы она тебя смазала. Народ обратился к этим людям. Они приостановились и рассказывали, как подле самих их ядра попали в дом. Между тем другие снаряды, то с быстрым, мрачным свистом – ядра, то с приятным посвистыванием – гранаты, не переставали перелетать через головы народа; но ни один снаряд не падал близко, все переносило [Толстой 2:119].</p>
ботфорты (4)	38,141, 144	1784	<p>Невысокий полный человек лет тридцати, в белых панталонах, ботфортах и в одной, видно только что надетой, батистовой рубашке, стоял в этой комнате; камердинер застегивал ему сзади шитые шелком прекрасные новые помочи, которые почему-то заметил Ростов [Толстой 1:503].</p> <p>Он смотрел на ... двух французских солдат... Один из этих солдат, маленький вертлявый человечек, был одет в синюю шинель, подпоясанную веревкой. На голове его был колпак, и ноги были босые. Другой, который особенно поразил Пьера, был длинный, сутуловатый, белокурый, худой человек с медлительными движениями и идиотическим выражением лица. Этот был одет в фризковый капот, в синие штаны и большие рваные ботфорты [Толстой 2:393].</p> <p>Государь в Преображенском мундире, в белых лосинах и высоких ботфортах, с звездой, которую не знал Ростов (это была <i>l'étoile d'honneur</i>) [звезда почетного легиона] вышел на крыльцо, держа шляпу под рукой и надевая перчатку [Толстой 1:505]; Это был Наполеон. Он только что окончил свой туалет для верховой езды. Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах [Толстой 2:26].</p>
бригада (2)	80,105, 114	1704	<p>Налево внизу, в тумане, слышалась перестрелка между невидными войсками. Там, казалось князю Андрею, сосредоточится сражение, там встретится препятствие, и «туда-то я буду послан, – думал он, – с бригадой или дивизией, и там-то с знаменем в руке я пойду вперед и сломя всё, что будет предо мной» [Толстой 1:335]; Через неделю вышел отпуск. Гусары-товарищи не только по полку, но и по бригаде, дали обед Ростову, стоивший с головы по 15 руб. подписки, – играли две музыки, пели два хора песенников; Ростов плясал трепака с майором Басовым; пьяные офицеры качали, обнимали и уронили Ростова; солдаты третьего эскадрона еще раз качали его, и кричали ура! Потом Ростова положили в сани и провезли до первой станции [Толстой 1:599].</p>
бригадир (1)	75,77	1705	<p>Соня задумалась. Вопрос о том, как писать к Nicolas и нужно ли писать и как писать, был вопрос, мучивший ее. Теперь, когда он был уже офицер и раненый герой, хорошо ли было с ее стороны напомнить ему о себе и как будто о том обязательстве, которое он взял на себя в отношении ее.</p> <p>– Не знаю; я думаю, коли он пишет, – и я напишу, – краснея, сказала она.</p> <p>– И тебе не стыдно будет писать ему?</p> <p>Соня улыбнулась.</p> <p>– Нет.</p> <p>– А мне стыдно будет писать Борису, я не буду писать.</p> <p>– Да отчего же стыдно? Да так, я не знаю. Неловко, стыдно.</p> <p>– А я знаю, отчего ей стыдно будет, – сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, – оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя своего тезку, нового графа Безухого); теперь влюблена в певца этого (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пенья): вот ей и стыдно.</p> <p>– Петя, ты глуп, – сказала Наташа.</p> <p>– Не глупее тебя, матушка, – сказал девятилетний Петя, точно как будто он был старый бригадир [Толстой 1:288].</p>

<p>гарнизон (2) garrison (1)</p>	<p>39,40, 105</p>	<p>1702</p>	<p><i>Les généraux Prussiens se piquent de politesse envers les Français et mettent bas les armes aux premières sommations. «Le chef de la garnison de Glogau avec dix mille hommes, demande au Roi de Prusse, ce qu'il doit faire s'il est sommé de se rendre? [Прусские генералы щеголяют учтивостью перед французами и сдаются по первому требованию. Начальник гарнизона Глогау, с десятью тысячами, спрашивает у прусского короля, что ему делать, если ему придется сдаваться] [Толстой 1:455-456].</i></p> <p><i>Из всего, что мог сделать Наполеон: зимовать в Москве, идти на Петербург, идти на Нижний Новгород, идти назад, севернее или южнее, тем путем, которым пошел потом Кутузов, – ну что бы ни придумать, глупее и пагубнее того, что сделал Наполеон, то есть оставаться до октября в Москве, предоставляя войскам грабить город, потом, колеблясь, оставить или не оставить гарнизон, выйти из Москвы, подойти к Кутузову, не начать сражения, пойти вправо, дойти до Малого Ярославца, опять не испытав случайности пробиться, пойти не по той дороге, по которой пошел Кутузов, а пойти назад на Можайск и по разоренной Смоленской дороге, – глупее этого, пагубнее для войска ничего нельзя было придумать, как то и показали последствия [Толстой 2:478].</i></p>
<p>гвардия (55) garde (7)</p>	<p>32,45, 105</p>	<p>1700</p>	<p><i>Несмотря на то, что князь Василий неохотно и почти неучтиво слушал пожилую даму и даже выказывал нетерпение, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтоб он не ушел, взяла его за руку.</i></p> <p><i>– Что вам стоит сказать слово государю, и он прямо будет переведен в гвардию, – просила она.</i></p> <p><i>– Поверьте, что я сделаю всё, что могу, княгиня, – отвечал князь Василий, – но мне трудно просить государя; я бы советовал вам обратиться к Румянцеву, через князя Голицына: это было бы умнее.</i></p> <p><i>Пожилая дама носила имя княгини Друбецкой, одной из лучших фамилий России, но она была бедна, давно вышла из света и утратила прежние связи. Она приехала теперь, чтобы хлопотать определение в гвардию своему единственному сыну [Толстой 1:23].</i></p> <p><i>– Chère Анна Михайловна, – сказал он с своею всегдашнею фамильярностью и скукой в голосе, – для меня почти невозможно сделать то, что вы хотите; но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, я сделаю невозможное: сын ваш будет переведен в гвардию, вот вам моя рука. Довольны вы?</i></p> <p><i>– Милый мой, вы благодетель! Я иного и не ждала от вас; я знала, как вы добры.</i></p> <p><i>Он хотел уйти.</i></p> <p><i>– Постойте, два слова. Une fois passé aux gardes... [Раз он перейдет в гвардию...] – Она замялась: – Вы хороши с Михаилом Иларионовичем Кутузовым, рекомендуйте ему Бориса в адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы уж... [Толстой 1:24].</i></p> <p><i>– Всё это бредни, – остановил его опять князь Андрей, – поговорим лучше о деле. Был ты в конной гвардии? ... [Толстой 1:34].</i></p> <p><i>Князь Василий исполнил обещание, данное на вечере у Анны Павловны княгине Друбецкой, просившей его о своем единственном сыне Борисе. О нем было доложено государю, и, не в пример другим, он был переведен в гвардию Семеновского полка прапорщиком [Толстой 1:46].</i></p> <p><i>Адъютант Бонапарте во всю прыть лошади скакал с этим грозным письмом к Мюрату. Сам Бонапарте, не доверяя своим генералам, со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь упустить готовую жертву, а четырёхтысячный отряд Багратиона, весело раскладывая костры, сушился, обогревался, варил в первый раз после трех дней кашу, и никто из людей отряда не знал и не думал о том, что предстояло ему [Толстой 1:212].</i></p> <p><i>Впереди, далеко, на том берегу туманного моря, виднелись выступающие лесистые холмы, на которых должна была быть неприятельская армия, и виднелось что-то. Вправо вступала в область тумана гвардия, звучащая топотом и колесами и изредка блестящая штыками; налево, за деревней, такие же массы кавалерии подходили и скрывались в море тумана. Спереди и сзади двигалась пехота. Главкомандующий стоял на выезде деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузов в это утро казался изнуренным и раздражительным [Толстой 1:336].</i></p> <p><i>На переходе из Вязьмы к Цареву-Займищу Наполеон верхом ехал на своем соловом англазированной иноходчике, сопровождаемый гвардией, караулом, пажамы и адъютантами [Толстой 2:134].</i></p>

			<p><i>Адъютант поскакал к дивизии Клапареда. И через несколько минут молодая гвардия, стоявшая позади кургана, тронулась с своего места. Наполеон молча смотрел по этому направлению [Толстой 2:243].</i></p> <p><i>Один из генералов, подъехавших к Наполеону, позволил себе предложить ему ввести в дело старую гвардию. Ней и Бертье, стоявшие подле Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбнулись на бессмысленное предложение этого генерала. Наполеон опустил голову и долго молчал.</i></p> <p><i>– A huit cent lieux de France je ne ferai pas demolir ma garde, [За три тысячи двести верст от Франции я не могу дать разгромить свою гвардию.] – сказал он и, повернув лошадь, поехал назад, к Шевардину [Толстой 2:246].</i></p> <p><i>Французам, с воспоминанием всех прежних пятнадцатилетних побед, с уверенностью в непобедимости Наполеона, с сознанием того, что они завладели частью поля сраженья, что они потеряли только одну четверть людей и что у них еще есть двадцатитысячная нетронутая гвардия, легко было сделать это усилие. Французам, атаковавшим русскую армию с целью сбить ее с позиции, должно было сделать это усилие, потому что до тех пор, пока русские, точно так же как и до сражения, загораживали дорогу в Москву, цель французов не была достигнута и все их усилия и потери пропали даром. Но французы не сделали этого усилия. Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию для того, чтобы сражение было выиграно. Говорить о том, что бы было, если бы Наполеон дал свою гвардию, все равно что говорить о том, что бы было, если б осенью сделалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеон не дал своей гвардии, потому что он не захотел этого, но этого нельзя было сделать. Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, что этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войска не позволял этого [Толстой 2:263].</i></p>
гвардейский (22)	46	–	<p><i>– Сообразите мое положение, Петр Николаич: будь я в кавалерии, я бы получал не более двухсот рублей в треть, даже и в чине поручика; а теперь я получаю двести тридцать, – говорил он с радостною, приятною улыбкой, оглядывая Шиншина и графа, как будто для него было очевидно, что его успех всегда будет составлять главную цель желаний всех остальных людей.</i></p> <p><i>– Кроме того, Петр Николаич, перейдя в гвардию, я на виду, – продолжал Берг, – и вакансии в гвардейской пехоте гораздо чаще. Потом, сами сообразите, как я мог устроиться из двухсот тридцати рублей. А я откладываю и еще отцу посылаю, – продолжал он, пуская колечко [Толстой 1:74].</i></p> <p><i>Получив записку Бориса, Ростов с товарищем поехал до Ольмюца, там пообедал, выпил бутылку вина и один поехал в гвардейский лагерь отыскивать своего товарища детства [Толстой 1:291].</i></p> <p><i>Между каждым рядом войск была как бы улица. Резко отделялись одна от другой три части этой армии: боевая Кутузовская (в которой на правом фланге в передней линии стояли павлоградцы), пришедшие из России армейские и гвардейские полки и австрийское войско. Но все стояли под одну линию, под одним начальством и в одинаковом порядке [Толстой 1:300].</i></p> <p><i>Красивый, молодой император Александр, в конногвардейском мундире, в треугольной шляпе, надетой с поля, своим приятным лицом и звучным, негромким голосом привлекал всю силу внимания [Толстой 1:301].</i></p> <p><i>Поровнявшись с гвардейской пехотой, он заметил, что чрез нее и около нее летали ядры, не столько потому, что он слышал звук ядер, сколько потому, что на лицах солдат он увидал беспокойство и на лицах офицеров – неестественную, воинственную торжественность. Проезжая позади одной из линий пехотных гвардейских полков, он услышал голос, назвавший его по имени [Толстой 1:347].</i></p> <p><i>«Император чрезвычайно недоволен, что, несмотря на строгие повеления остановить грабеж, только и видны отряды гвардейских мародеров, возвращающиеся в Кремль. В старой гвардии беспорядки и грабеж сильнее, нежели когда-либо, возобновились вчера, в последнюю ночь и сегодня. С соболезнованием видит император, что отборные солдаты, назначенные охранять его особу, должныствующие подавать пример подчиненности, до такой степени простирают ослушание, что разбивают погреба и магазины, заготовленные для армии. Другие унизились до того, что не слушали часовых и караульных офицеров, ругали их и били» [Толстой 2:485].</i></p> <p><i>Долохов же, напротив, прежде, в Москве, носивший персидский костюм, теперь имел вид самого чопорного гвардей-</i></p>

			<i>ского офицера. Лицо его было чисто выбрито, одет он был в гвардейский ваточный сюртук с Георгием в петлице и в прямо надетой простой фуражке [Толстой 2:534].</i>
гвардеец (9)	46	1761	<p><i>Подъезжая к лагерю Измайловского полка, он думал о том, как он поразит Бориса и всех его товарищей-гвардейцев своим обстреленным боевым гусарским видом. Гвардия весь поход прошла, как на гуляньи, щеголяя своей чистотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах прекрасные обеды. Полки вступали и выступали из городов с музыкой, и весь поход (чем гордились гвардейцы), по приказанию великого князя, люди шли в ногу, а офицеры пешком на своих местах [Толстой 1:291].</i></p> <p><i>Государи сели верхами и уехали. Преображенцы, расстроивая ряды, перемешались с французскими гвардейцами и сели за столы, приготовленные для них [Толстой 1:508].</i></p> <p><i>Завтра государь пошлет Георгия самому храброму из французских гвардейцев [Толстой 1:508].</i></p> <p><i>Наполеон взял пастилку, положил ее в рот и посмотрел на часы. Спать ему не хотелось, до утра было еще далеко; а чтобы убить время, распоряжений никаких нельзя уже было делать, потому что все были сделаны и приводились теперь в исполнение.</i></p> <p><i>– A-t-on distribué les biscuits et le riz aux régiments de la garde? [Раздали ли сухари и рис гвардейцам?] – строго спросил Наполеон [Толстой 2:225].</i></p>
генерал (447) général (10)	29,54,59	1723	<p><i>Сам Бонапарте, не доверяя своим генералам, со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь упустить готовую жертву, а четырёхтысячный отряд Багратиона, весело раскладывая костры, сушился, обогревался, варил в первый раз после трех дней кашу, и никто из людей отряда не знал и не думал о том, что предстояло ему [Толстой 1:212];</i></p> <p><i>Прусские генералы щеголяют учтивостью перед французами и сдаются по первому требованию. Начальник гарнизона Глогау, с десятью тысячами, спрашивает у прусского короля, что ему делать, если ему придется сдаваться [Толстой 1:456].</i></p> <p><i>– Le général Koutouzoff, – сказал Болконский, ударяя на последнем слоге zoff, как француз, – a bien voulu de moi pour aide-de-camp... [Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты.] [Толстой 1:21].</i></p> <p><i>Подле Кутузова сидел австрийский генерал в странном, среди черных русских, белом мундире. Коляска остановилась у полка. Кутузов и австрийский генерал о чем-то тихо говорили, и Кутузов слегка улыбнулся, в то время как, тяжело ступая, он опускал ногу с подножки, точно как будто и не было этих двух тысяч людей, которые не дыша смотрели на него и на полкового командира [Толстой 1:144].</i></p> <p><i>28-го октября Кутузов с армией перешел на левый берег Дуная и в первый раз остановился, положив Дунай между собой и главными силами французов. 30-го он атаковал находившуюся на левом берегу Дуная дивизию Мортье и разбил ее. В этом деле в первый раз взяты трофеи: знамя, орудия и два неприятельские генерала [Толстой 1:184].</i></p> <p><i>Ростов видел, как мимо его прошли вперед казаки, 1-й и 2-й эскадрон гусар, пехотные батальоны с артиллерией и проехали генералы Багратион и Долгоруков с адъютантами [Толстой 1:309].</i></p> <p><i>Кутузов строго посмотрел на своего адъютанта и, помолчав, ответил:</i></p> <p><i>– Я думаю, что сражение будет проиграно, и я так сказал графу Толстому и просил его передать это государю. Что же, ты думаешь, он мне ответил? Eh, mon cher général, je me mêle de riz et des et côtelettes, mêlez vous des affaires de la guerre. [И, любезный генерал! Я занят рисом и котлетами, а вы занимайтесь военными делами.] [Толстой 1:318].</i></p>
генерал-аншеф (6)	46,60, 61,92	1716	<p><i>В Лысых Горах, имени князя Николая Андреевича Болконского, ожидали с каждым днем приезда молодого князя Андрея с княгиней; но ожидание не нарушало стройного порядка, по которому шла жизнь в доме старого князя. Генерал-аншеф князь Николай Андреевич, по прозванию в обществе le roi de Prusse, [король прусский] с того времени, как при Павле был сослан в деревню, жил безвыездно в своих Лысых Горах с дочерью, княжною Марьей, и при ней компаньонкой, m-lle Vougiéppe. [мадмуазель Бурьен.] [Толстой 1:108].</i></p> <p><i>– Вероятно, – сказал князь Андрей и направился к выходной двери; но в то же время навстречу ему, хлопнув дверью, быстро вошел в приемную высокий, очевидно приезжий, австрийский генерал в сюртуке, с повязанною черным платком</i></p>

			<p>головой и с орденом Марии-Терезии на шее. Князь Андрей остановился.</p> <p>– Генерал-анишеф Кутузов? – быстро проговорил приезжий генерал с резким немецким выговором, оглядываясь на обе стороны и без остановки проходя к двери кабинета.</p> <p>– Генерал-анишеф занят, – сказал Козловский, торопливо подходя к неизвестному генералу и загоразживая ему дорогу от двери. – Как прикажете доложить?</p> <p>Неизвестный генерал презрительно оглянулся сверху вниз на невысокого ростом Козловского, как будто удивляясь, что его могут не знать.</p> <p>– Генерал-анишеф занят, – спокойно повторил Козловский [Толстой 1:154].</p> <p>– Господину барону Ашу от генерала анишефа князя Болконского, – провозгласил он так торжественно и значительно, что чиновник обратился к нему и взял его письмо. Через несколько минут губернатор принял Алпатыча и поспешно сказал ему:</p> <p>– Доложи князю и княжне, что мне ничего не известно было: я поступал по высшим приказаниям – вот... [Толстой 2:116].</p> <p>– Осмелюсь беспокоить, ваше благородие, – сказал он с почтительностью, но с относительным пренебрежением к юности этого офицера и заложив руку за пазуху. – Моя госпожа, дочь скончавшегося сего пятнадцатого числа генерал-анишефа князя Николая Андреевича Болконского, находясь в затруднении по случаю невежества этих лиц, – он указал на мужиков, – просит вас пожаловать... не угодно ли будет, – с грустной улыбкой сказал Алпатыч, – отъехать несколько, а то не так удобно при... – Алпатыч указал на двух мужиков, которые сзади так и носились около него, как слепни около лошади [Толстой 2:160].</p>
генерал-лейтенант (1)	29,46, 54,67	1703	<p>Офицер посылает за Ауэрспергом; господа эти обнимают офицеров, шутят, садятся на пушки, а между тем французский батальон незамеченный входит на мост, сбрасывает мешки с горючими веществами в воду и подходит к tête de pont. Наконец, является сам генерал-лейтенант, наш милый князь Ауэрсперг фон-Маутерн. «Милый неприятель! Цвет австрийского воинства, герой турецких войн! Вражда кончена, мы можем подать друг другу руку... император Наполеон сгорает желанием узнать князя Ауэрсперга» [Толстой 2010: 1:200].</p>
генерал-майор (1)	44,50	п.э.	<p>Перед зарею задремавшего графа Орлова разбудили. Привели перебежчика из французского лагеря. Это был польский унтер-офицер корпуса Понятовского. Унтер-офицер этот по-польски объяснил, что он перебежал потому, что его обидели по службе, что ему давно бы пора быть офицером, что он храбрее всех и потому бросил их и хочет их наказать. Он говорил, что Мюрат ночует в версте от них и что, ежели ему дадут сто человек конвою, он живьем возьмет его. Граф Орлов-Денисов посоветовался с своими товарищами. Предложение было слишком лестно, чтобы отказаться. Все вызывались ехать, все советовали попытаться. После многих споров и соображений генерал-майор Греков с двумя казачьими полками решился ехать с унтер-офицером [Толстой 2:473].</p>
генералитет (1)	46	1710	<p>За Кутузовым был Бенигсен и свита. Несмотря на присутствие главнокомандующего, обратившего на себя внимание всех высших чинов, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться. Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитет последовал его примеру; потом офицеры, и за ними, давая друг друга, топчась, пыхтя и толкаясь, с взволнованными лицами, полезли солдаты и ополченцы [Толстой 2:198].</p>
генеральский (6)	46	–	<p>Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное. Кроме того, он был рассеян. Вставая, он вместо своей шляпы захватил треугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал ее, дергая султан, до тех пор, пока генерал не попросил возвратить ее [Толстой 1:31].</p> <p>Полковой командир, в ту самую минуту как он услышал стрельбу и крик сзади, понял, что случилось что-нибудь ужасное с его полком, и мысль, что он, примерный, много лет служивший, ни в чем не виноватый офицер, мог быть виновен</p>

			<p>перед начальством в оплошности или нераспорядительности, так поразила его, что в ту же минуту, забыв и непокорного кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное – совершенно забыв про опасность и чувство самосохранения, он, ухватившись за луку седла и шпора лошадей, поскакал к полку под градом обсыпавших, но счастливо миновавших его пуль [Толстой 1:233].</p> <p>У Яузского моста все еще теснилось войско. Было жарко. Кутузов, нахмуренный, унылый, сидел на лавке около моста и плетью играл по песку, когда с шумом подскочила к нему коляска. Человек в генеральском мундире, в шляпе с плюмажем, с бегаящими не то гневными, не то испуганными глазами подошел к Кутузову и стал по-французски говорить ему что-то. Это был граф Растончин [Толстой 2:349].</p> <p>Пфуль с первого взгляда, в своем русском генеральском дурно сшитом мундире, который нескладно, как на наряженном, сидел на нем, показался князю Андрею как будто знакомым, хотя он никогда не видал его. В нем был и Вейротер, и Мак, и Шмидт, и много других немецких теоретиков-генералов, которых князю Андрею удалось видеть в 1805-м году; но он был типичнее всех их. Такого немца-теоретика, соединявшего в себе все, что было в тех немцах, еще никогда не видал князь Андрей Толстой 2:50].</p>
граната (17)	39,46, 127,130	п.э.	<p>Металлически, оглушая, зазвенело орудие, и через головы всех наших под горой, свистя, пролетела граната и, далеко не долетев до неприятеля, дымком показала место своего падения и лопнула [Толстой 1:171].</p> <p>– Вишь, пыхнул опять, – проговорил Тушин шёпотом про себя, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, – теперь мячик жди – отсылать назад.</p> <p>– Что прикажете, ваше благородие? – спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.</p> <p>– Ничего, гранату... – отвечал он [Толстой 1:237].</p> <p>Каждые десять секунд, нагнетая воздух, шлепало ядро или разрывалась граната в середине этой густой толпы, убивая и обрызгивая кровью тех, которые стояли близко [Толстой 1:354].</p> <p>Народ обратился к этим людям. Они приостановились и рассказывали, как подле самих их ядра попали в дом. Между тем другие снаряды, то с быстрым, мрачным свистом – ядра, то с приятным посвистыванием – гранаты, не переставали перелетать через головы народа; но ни один снаряд не падал близко, все переносило [Толстой 2:119].</p> <p>К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареи; два орудия были разбиты, чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки.</p> <p>– Чинёнка! – кричал солдат на приближающуюся, летевшую со свистом гранату. – Не сюда! К пехотным! – с хохотом прибавлял другой, заметив, что граната перелетела и попала в ряды прикрытия [Толстой 2:234].</p>
гранатный (1)	46,132	–	<p>Через пять минут никого не оставалось на улице. Кухарку с бедром, разбитым гранатным осколком, снесли в кухню. Алпатыч, его кучер, Феропонтова жена с детьми, дворник сидели в подвале, прислушиваясь. Гул орудий, свист снарядов и жалостный стон кухарки, преобладавший над всеми звуками, не умолкали ни на мгновение [Толстой 2:120].</p>
гренадер (11)	38,39, 67,73,130	1707	<p>Кутузов, нетерпеливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью под его тяжестью, и беспрестанно кивая головой, прикладывал руку к бедной кавалергардской (с красным околышем и без козырька) фуражке, которая была на нем. Подъехав к почетному караулу молодых гренадеров, большей частью кавалеров, отдававших ему честь, он с минуту молча, внимательно посмотрел на них начальническим упорным взглядом и обернулся к толпе генералов и офицеров, стоявших вокруг него [Толстой 2:169]; Ваши гренадеры были великолепны, ей-богу. Я видел, как их ряды шесть раз смыкались и как они выступали точно на парад. Чудный народ! [Толстой 2:364-365].</p>
гренадерский (3)	46	–	<p>В сенях маленький Козловский сидел на корточках перед писарем. Писарь на перевернутой кадушке, заворотив обшлага мундира, поспешно писал. Лицо Козловского было измученное – он, видно, тоже не спал ночь. Он взглянул на князя Андрея и даже не кивнул ему головой.</p> <p>– Вторая линия... Написал? – продолжал он, диктуя писарю, – Киевский гренадерский, Подольский... [Толстой 1:206].</p>

			<p>Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующем, следя за движениями масс и общими распоряжениями и постоянно занимаясь историческими описаниями сражений, и в этом предстоящем деле невольно соображал будущий ход военных действий только в общих чертах. Ему представлялись лишь следующего рода крупные случайности: «Ежели неприятель поведет атаку на правый фланг, – говорил он сам себе, – Киевский гренадерский и Подольский егерский должны будут удерживать свою позицию до тех пор, пока резервы центра не подойдут к ним [Толстой 1:218].</p> <p>Разговор замолк на минуту; старый генерал прокашливаньем обратил на себя внимание.</p> <p>– Изволили слышать о последнем событии на смотре в Петербурге? как себя новый французский посланник показал!</p> <p>– Что? Да, я слышал что-то; он что-то неловко сказал при Его Величестве.</p> <p>– Его Величество обратил его внимание на гренадерскую дивизию и церемониальный марш, – продолжал генерал, – и будто посланник никакого внимания не обратил и будто позволил себе сказать, что мы у себя во Франции на такие пустяки не обращаем внимания. Государь ничего не изволил сказать. На следующем смотре, говорят, государь ни разу не изволил обратиться к нему [Толстой 1:666].</p>
диверсия (3)	32,38,46	1706	<p>Русская армия управлялась Кутузовым с его штабом и государем из Петербурга. В Петербурге, еще до получения известия об оставлении Москвы, был составлен подробный план всей войны и прислан Кутузову для руководства. Несмотря на то, что план этот был составлен в предположении того, что Москва еще в наших руках, план этот был одобрен штабом и принят к исполнению. Кутузов писал только, что дальние диверсии всегда трудно исполнимы. И для разрешения встречавшихся трудностей присылались новые наставления и лица, долженствовавшие следить за его действиями и доносить о них [Толстой 2:466].</p> <p>Но, кроме того, что отрезывание Наполеона с армией было бессмысленно, оно было невозможно. Невозможно это было, во-первых, потому что, так как из опыта видно, что движение колонн на пяти верстах в одном сражении никогда не совпадает с планами, то вероятность того, чтобы Чичагов, Кутузов и Витгенштейн сошлись вовремя в назначенное место, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности, как то и думал Кутузов, еще при получении плана сказавший, что диверсии на большие расстояния не приносят желаемых результатов [Толстой 2:563].</p> <p>Чичагов, один из самых страстных отрезывателей и опрокидывателей, Чичагов, который хотел сначала сделать диверсию в Грецию, а потом в Варшаву, но никак не хотел идти туда, куда ему было велено, Чичагов, известный своею смелостью речи с государем, Чичагов, считавший Кутузова собою благодетельствованным, потому что, когда он был послан в II-м году для заключения мира с Турцией помимо Кутузова, он, убедившись, что мир уже заключен, признал перед государем, что заслуга заключения мира принадлежит Кутузову; этот-то Чичагов первый встретил Кутузова в Вильне у замка, в котором должен был остановиться Кутузов [Толстой 2:594].</p>
дивизион (1)	38,46, 105,112	1711	<p>Сражение, состоявшее только в том, что захвачен эскадрон французов, было представлено как блестящая победа над французами, и потому государь и вся армия, особенно после того, как не разошелся еще пороховой дым на поле сражения, верили, что французы побеждены и отступают против своей воли. Несколько минут после того, как проехал государь, дивизион павлоградцев потребовали вперед [Толстой 1:312].</p>
дивизионер (1)	46,75,81	–	<p>Эскадрон объехал пехоту и батарею, также торопящуюся идти скорее, спустился под гору и, пройдя через какую-то пустую, без жителей, деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмывливаться, люди раскраснелись.</p> <p>– Стой, равняйся! – послышалась впереди команда дивизионера.</p> <p>– Левое плечо вперед, шагом марш! – скомандовали впереди [Толстой 2:65-66].</p>
дивизионный (1)	46,113	–	<p>«От всех моих поездок, écrit-il à l'Empereur, получил ссадину от седла, которая сверх прежних перевозок моих совсем мне мешает ездить верхом и командовать такой обширной армией, а потому я командование оной сложил на старшего по мне генерала, графа Буксгевдена, отослав к нему всё дежурство и всё принадлежащее к оному, советовав им, если хлеба не будет, ретироваться ближе во внутренность Пруссии, потому что оставалось хлеба только на один день, а у иных полков ничего, как о том дивизионные командиры Остерман и Седморецкий объявили, а у мужиков всё съедено; я и сам, пока вылечусь, остаюсь в госпитале в Остроленке [Толстой 1:457].</p>

дивизия (53)	38,108, 148	1705	<p><i>Вечером 11-го октября Сеславин приехал в Аристово к начальству с пойманным пленным французским гвардейцем. Пленный говорил, что войска, вошедшие нынче в Фоминское, составляли авангард всей большой армии, что Наполеон был тут же, что армия вся уже пятый день вышла из Москвы. В тот же вечер дворовый человек, пришедший из Боровска, рассказал, как он видел вступление огромного войска в город. Казаки из отряда Дорохова доносили, что они видели французскую гвардию, шедшую по дороге к Боровску. Из всех этих известий стало очевидно, что там, где думали найти одну дивизию, теперь была вся армия французов, шедшая из Москвы по неожиданному направлению – по старой Калужской дороге [Толстой 2:502-503].</i></p> <p><i>В это же время начальник артиллерии 1-го корпуса, генерал Пернетти, с 30-ю орудиями дивизии Компана и всеми гаубицами дивизии Дессе и Фриана, двинется вперед, откроет огонь и засыплет гранатами неприятельскую батарею, против которой будут действовать!</i></p> <p><i>24 орудия гвардейской артиллерии, 30 орудий дивизии Компана и 8 орудий дивизии Фриана и Дессе, Всего – 62 орудия [Толстой 2:218].</i></p> <p><i>Солдаты дивизии Дессе, направленные на флешы, были видны только до тех пор, пока они не спустились под овраг, отделявший их от флеш. Как скоро они спустились в овраг, дым выстрелов орудийных и ружейных на флешах стал так густ, что застлал весь подъем той стороны оврага. Сквозь дым мелькало там что-то черное – вероятно, люди, и иногда блеск штыков. Но двигались ли они или стояли, были ли это французы или русские, нельзя было видеть с Шевардинского редута [Толстой 2:239],</i></p> <p><i>Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Юнкер Ростов с тех самых пор, как он догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром [Толстой 1:157],</i></p> <p><i>Разговор замолк на минуту; старый генерал прокашливаньем обратил на себя внимание.</i></p> <p><i>– Изволили слышать о последнем событии на смотре в Петербурге? как себя новый французский посланник показал!</i></p> <p><i>– Что? Да, я слышал что-то; он что-то неловко сказал при Его Величестве.</i></p> <p><i>– Его Величество обратил его внимание на гренадерскую дивизию и церемониальный марш, – продолжал генерал, – и будто посланник никакого внимания не обратил и будто позволил себе сказать, что мы у себя во Франции на такие пустяки не обращаем внимания. Государь ничего не изволил сказать [Толстой 1:666],</i></p> <p><i>Канонада на левом фланге начнется, как только будет услышана канонада правого крыла. Стрелки дивизии Морана и дивизии вице-короля откроют сильный огонь, увидя начало атаки правого крыла. Вице-король овладеет деревней [Бородиным] и перейдет по своим трем мостам, следуя на одной высоте с дивизиями Морана и Жерара, которые, под его предводительством, направятся к редуту и войдут в линию с прочими войсками армии [Толстой 2:219].</i></p> <p><i>Пьер с удивлением посмотрел на него.</i></p> <p><i>– Однако, – сказал он, – ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.</i></p> <p><i>– Да, – сказал князь Андрей, – только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна [Толстой 2:208].</i></p>
диспозиция (47)	45,46	1698	<p><i>Вейротер в этот вечер был два раза для личного осмотра в цепи неприятеля и два раза у государей, русского и австрийского, для доклада и объяснений, и в своей канцелярии, где он диктовал немецкую диспозицию [Толстой 1:319].</i></p> <p><i>– Да скажите же, наконец, чтобы строились в батальонные колонны и шли в обход деревни, – сердито сказал Кутузов подъехавшему генералу. – Как же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по</i></p>

			<p>этому дефилюю улицы деревни нельзя, когда мы идем против неприятеля.</p> <p>– Я предполагал построиться за деревней, ваше высокопревосходительство, – отвечал генерал. Кутузов желчно засмеялся.</p> <p>– Хороши вы будете, разворачивая фронт в виду неприятеля, очень хороши.</p> <p>– Неприятель еще далеко, ваше высокопревосходительство. По диспозиции...</p> <p>– Диспозиция! – желчно вскрикнул Кутузов, – а это вам кто сказал? ... Извольте делать, что вам приказывают [Толстой 1:336].</p> <p>Отдав эти и другие приказания, он вернулся в свою ставку, и под его диктовку была написана диспозиция сражения. Диспозиция эта, про которую с восторгом говорят французские историки и с глубоким уважением другие историки, была следующая: «С рассветом две новые батареи, устроенные в ночи, на равнине, занимаемой принцем Экмюльским, откроют огонь по двум противостоящим батареям неприятельским. В это же время начальник артиллерии 1-го корпуса, генерал Пернетти, с 30-ю орудиями дивизии Компана и всеми гаубицами дивизии Дессе и Фриана, двинется вперед, откроет огонь и засыплет гранатами неприятельскую батарею, против которой будут действовать! 24 орудия гвардейской артиллерии, 30 орудий дивизии Компана и 8 орудий дивизии Фриана и Дессе, всего – 62 орудия [Толстой 2:218].</p>
драгун (33)	29,45, 67,68	–	<p>Все стояли в унылом молчании. Высокий малый водил губами и пошатывался. – У него спросить бы!.. Это сам и есть?.. Как же, успросил!.. А то что ж... Он укажет... – вдруг послышалось в задних рядах толпы, и общее внимание обратилось на выезжавшие на площадь дрожки полицеймейстера, сопутствуемого двумя конными драгунами [Толстой 2:336].</p> <p>– Oui, mon cher ami, voila les caprices de la fortune, – начал он. – Qui m'aurait dit que je serai soldat et capitaine de dragons au service de Bonaparte, comme nous l'appellions jadis. Et cependant me voila a Moscou avec lui. Il faut vous dire, mon cher, – продолжал он грустным я мерным голосом человека, который собирается рассказывать длинную историю, – que notre nom est l'un des plus anciens de la France. [Да, мой друг, вот колесо фортуны. Кто сказал бы мне, что я буду солдатом и капитаном драгунов на службе у Бонапарта, как мы его, бывало, называли. Однако же вот я в Москве с ним. Надо вам сказать, мой милый... что имя наше одно из самых древних во Франции.] [Толстой 2:369-370].</p> <p>Почти все французские драгуны скакали назад. Ростов, выбрав себе одного из них на серой лошади, пустился за ним. По дороге он налетел на куст; добрая лошадь перенесла его через него, и, едва справясь на седле, Николай увидел, что он через несколько мгновений догонит того неприятеля, которого он выбрал своей целью. Француз этот, вероятно, офицер – по его мундиру, согнувшись, скакал на своей серой лошади, саблей подгоняя ее [Толстой 2:68].</p>
драгунский (2)	46	–	<p>Но посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием, что драгунский полковой командир уже отступил за овраг, ибо против него был направлен сильный огонь, и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес [Толстой 1:223].</p> <p>Ростов, сдержав лошадь, отыскивал глазами своего врага, чтобы увидеть, кого он победил. Драгунский французский офицер одной ногой прыгал на земле, другой зацепился в стремени. Он, испуганно щурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова. Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо. Еще прежде, чем Ростов решил, что он с ним будет делать, офицер закричал: «Je te rends!» [Сдаюсь!] [Толстой 2:68].</p>
жандарм (3)	32,75	1705	<p>Ростов не спуская глаз, несмотря на топтание лошаадьми французских жандармов, осаживавших толпу, следил за каждым движением императора Александра и Бонапарте. Его, как неожиданность, поразило то, что Александр держал себя как равный с Бонапарте, и что Бонапарте совершенно свободно, как будто эта близость с государем естественна и привычна ему, как равный, обращался с русским царем [Толстой 1:506].</p> <p>31-го декабря, накануне нового 1810 года, le réveillon [ночной ужин], был бал у Екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатический корпус и государь. На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный дом вельможи. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция, и не одни жандармы, но</p>

			<p>полицеймейстер на подъезде и десятки офицеров полиции. Экипажи отъезжали, и всё подъезжали новые с красными лакеями и с лакеями в перьях на шляпах. Из карет выходили мужчины в мундирах, звездах и лентах; дамы в атласе и горностаях осторожно сходили по шумно откладываемым подножкам, и торопливо и беззвучно проходили по сукну подъезда [Толстой 1:554].</p> <p>В девять часов проснулась графиня, и Матрена Тимофеевна, бывшая ее горничная, исполнявшая в отношении графини должность шефа жандармов, пришла доложить своей бывшей барышне, что Марья Карловна очень обижены и что барышнинным летним платьям нельзя остаться здесь [Толстой 2:310].</p>
интендант (2)	32,476, 75,85	1715	<p>Дело главнокомандующего, казалось бы, состоит только в том, чтобы выбрать один из этих проектов. Но и этого он не может сделать. События и время не ждут. Ему предлагают, положим, 28-го числа перейти на Калужскую дорогу, но в это время прискакивает адъютант от Милорадовича и спрашивает, завязывать ли сейчас дело с французами или отступить. Ему надо сейчас, сию минуту, отдать приказанье. А приказанье отступить сбивает нас с поворота на Калужскую дорогу. И вслед за адъютантом интендант спрашивает, куда везти провиант, а начальник госпиталей – куда везти раненых; а курьер из Петербурга привозит письмо государя, не допускающее возможности оставить Москву, а соперник главнокомандующего, тот, кто подкапывается под него (такие всегда есть, и не один, а несколько), предлагает новый проект, диаметрально противоположный плану выхода на Калужскую дорогу; а силы самого главнокомандующего требуют сна и подкрепления; а обойденный наградой почтенный генерал приходит жаловаться, а жители умоляют о защите; посланный офицер для осмотра местности приезжает и доносит совершенно противоположное тому, что говорил перед ним посланный офицер; а лазутчик, пленный и делавший рекогносцировку генерал – все описывают различно положение неприятельской армии [Толстой 2:271].</p>
интендантство (1)	46	–	<p>Когда мы говорим, например, что Наполеон приказал войскам идти на войну, мы соединяем в одно одновременно выраженное приказание ряд последовательных приказаний, зависевших друг от друга. Наполеон не мог приказать поход на Россию и никогда не приказывал его. Он приказал нынче написать такие-то бумаги в Вену, в Берлин и в Петербург; завтра – такие-то декреты и приказы по армии, флоту и интендантству и т. д., и т. д., – миллионы приказаний, из которых составилась ряд приказаний, соответствующих ряду событий, приведших французские войска в Россию [Толстой 2:708].</p>
кавалергард (11)	32,67,73	1755	<p>Не успел он проехать нескольких сот шагов после этого, как влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью шли прямо на него. Ростов пустил лошадь во весь скок, для того чтоб уехать с дороги от этих кавалеристов, и он бы уехал от них, ежели бы они шли всё тем же аллюром, но они всё прибавляли хода, так что некоторые лошади уже скакали. Ростову всё слышнее и слышнее становился их топот и бряцание их оружия и виднее становились их лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию, подвигавиющуюся им навстречу [Толстой 1:346].</p>
кавалергардовый (1)	46	–	<p>Крайний кавалергард, огромный ростом рябой мужчина, злобно нахмурился, увидав перед собой Ростова, с которым он неминуемо должен был столкнуться. Этот кавалергард непременно сбил бы с ног Ростова с его Бедуином (Ростов сам себе казался таким маленьким и слабым в сравнении с этими громадными людьми и лошадьми), ежели бы он не догадался взмахнуть нагайкой в глаза кавалергардовой лошади [Толстой 1:347].</p>
кавалергардский (10)	46,72	–	<p>И он указал ему на великого князя, который в ста шагах от них, в каске и в кавалергардском колете, с своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричал австрийскому белому и бледному офицеру [Толстой 1:348].</p> <p>– Ну, однако! Этот, говорят, командир всей гвардии императора Александра, – сказал первый, указывая на раненого русского офицера в белом кавалергардском мундире. Болконский узнал князя Репнина, которого он встречал в петербургском свете. Рядом с ним стоял другой, 19-летний мальчик, тоже раненый кавалергардский офицер. Бонапарте, подъехав галопом, остановил лошадь.</p> <p>– Кто старший? – сказал он, увидав пленных.</p> <p>Назвали полковника, князя Репнина.</p>

			<p>– Вы командир кавалергардского полка императора Александра? – спросил Наполеон.</p> <p>– Я командовал эскадроном, – отвечал Реннин [Толстой 1:358].</p>
кавалерист (25)	50,68,72,105	1765	<p><i>Пехотный полковник вздрагивающею походкой подошел к лошади и, взлезши на нее и сделавшись очень прямым и высоким, поехал к павлоградскому командиру. Полковые командиры съехались с учтивыми поклонами и со скрываемою злобой в сердце.</i></p> <p>– Опять-таки, полковник, – говорил генерал, – не могу я, однако, оставить половину людей в лесу. Я вас прошу, я вас прошу, – повторил он, – занять позицию и приготовиться к атаке.</p> <p>– А вас прошу не мешивайтесь не свое дело, – отвечал, горячася, полковник. – Коли бы вы был кавалерист...</p> <p>– Я не кавалерист, полковник, но я русский генерал, и ежели вам это неизвестно... [Толстой 1:230].</p> <p><i>Полковой командир, в ту самую минуту как он услышал стрельбу и крик сзади, понял, что случилось что-нибудь ужасное с его полком, и мысль, что он, примерный, много лет служивший, ни в чем не виноватый офицер, мог быть виновен перед начальством в оплошности или нераспорядительности, так поразила его, что в ту же минуту, забыв и непокорного кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное – совершенно забыв про опасность и чувство самосохранения, он, ухватившись за луку седла и шпора лошадь, поскакал к полку под градом обсыпавших, но счастливо миновавших его пуль [Толстой 1:233].</i></p> <p><i>«Мне до этого дела нет!» подумал он. Не успел он проехать нескольких сот шагов после этого, как влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью или прямо на него. Ростов пустил лошадь во весь скок, для того чтоб уехать с дороги от этих кавалеристов, и он бы уехал от них, ежели бы они шли всё тем же аллюром, но они всё прибавляли хода, так что некоторые лошади уже скакали [Толстой 1:346].</i></p> <p><i>Едва кавалергарды миновали Ростова, как он услышал их крик: «Ура!» и оглянувшись увидел, что передние ряды их смешивались с чужими, вероятно французскими, кавалеристами в красных эполетах [Толстой 1:347].</i></p> <p><i>Подъезжая к Тарутину, Кутузов заметил кавалеристов, ведущих на водопой лошадей через дорогу, по которой ехала коляска. Кутузов присмотрелся к ним, остановил коляску и спросил, какого полка? Кавалеристы были из той колонны, которая должна была быть уже далеко впереди в засаде. «Ошибка, может быть», – подумал старый главнокомандующий. Но, проехав еще дальше, Кутузов увидел пехотные полки, ружья в козлах, солдат за кашей и с дровами, в подбитанниках [Толстой 2:471].</i></p> <p><i>Половина обоза с сухарями, который шел за ними первые переходы, была отбита казаками, другая половина уехала вперед; пеших кавалеристов, которые шли впереди, не было ни одного больше; они все исчезли. Артиллерия, которая первые переходы виднелась впереди, заменилась теперь огромным обозом маршала Жюно, конвоируемого вестфальцами. Сзади пленных ехал обоз кавалерийских вещей [Толстой 2:545].</i></p>
кавалерия (35)	45,95, 101,103, 148	1698	<p><i>В 5 часов утра еще было совсем темно. Войска центра, резервов и правый фланг Багратиона стояли еще неподвижно; но на левом фланге колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, долженствовавшие первые спуститься с высот, для того чтобы атаковать французский правый фланг и отбросить его, по диспозиции, в Богемские горы, уже зашевелились и начали подниматься с своих ночлегов [Толстой 1:330].</i></p> <p><i>С раннего утра начались напряженные хлопоты и усилия, и в 10 часов всё пришло в требуемый порядок. На огромном поле стали ряды. Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота [Толстой 1:299]; На слова Жеркова некоторые улыбнулись, как и всегда ожидая от него шутки; но, заметив, что то, что он говорил, клонилось тоже к славе нашего оружия и нынешнего дня, приняли серьезное выражение, хотя многие очень хорошо знали, что то, что говорил Жерков, была ложь, ни на чем не основанная. Князь Багратион обратился к старичку-полковнику.</i></p> <p>– Благодарю всех, господа, все части действовали геройски: пехота, кавалерия и артиллерия. Каким образом в центре оставлены два орудия? – спросил он, ища кого-то глазами. (Князь Багратион не спрашивал про орудия левого фланга; он</p>

			<p>знал уже, что там в самом начале дела были брошены все пушки.) – Я вас, кажется, просил, – обратился он к дежурному штаб-офицеру [Толстой 1:243].</p> <p>Граф расхохотался. Другие гости, видя, что Шиншин ведет разговор, подошли послушать. Берг, не замечая ни насмешки, ни равнодушия, продолжал рассказывать о том, как переводом в гвардию он уже выиграл чин перед своими товарищами по корпусу, как в военное время ротного командира могут убить, и он, оставшись старшим в роте, может очень легко быть ротным, и как в полку все любят его, и как его папенька им доволен. Берг, видимо, наслаждался, рассказывая всё это, и, казалось, не подозревал того, что у других людей могли быть тоже свои интересы. Но всё, что он рассказывал, было так мило-степенно, наивность молодого эгоизма его была так очевидна, что он обезоруживал своих слушателей.</p> <p>– Ну, батюшка, вы и в пехоте, и в кавалерии, везде пойдете в ход; это я вам предрекаю, – сказал Шиншин, трепля его по плечу и спуская ноги с отоманки.</p> <p>Берг радостно улыбнулся. Граф, а за ним и гости вышли в гостиную [Толстой 1:74-75].</p> <p>Ростов, как на травлю, смотрел на то, что делалось перед ним. Он чутьем чувствовал, что ежели ударить теперь с гусарами на французских драгун, они не устоят; но ежели ударить, то надо было сейчас, сию минуту, иначе будет уже поздно. Он оглянулся вокруг себя. Ротмистр, стоя подле него, точно так же не спускал глаз с кавалерии внизу.</p> <p>– Андрей Севастьяныч, – сказал Ростов, – ведь мы их сомнем...</p> <p>– Лихая бы штука, – сказал ротмистр, – а в самом деле... [Толстой 2:67].</p> <p>Гусары простояли около часу на одном месте. Началась и канонада. Граф Остерман с свитой проехал сзади эскадрона, остановившись, поговорил с командиром полка и отъехал к пушкам на гору.</p> <p>Вслед за отъездом Остермана у улан послышалась команда:</p> <p>– В колонну, к атаке стройся! – Пехота впереди их вздвоила взводы, чтобы пропустить кавалерию. Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пик, и на рысях пошли под гору на французскую кавалерию, показавшуюся под горой влево [Толстой 2:66].</p> <p>Причина путаницы заключалась в том, что во время движения австрийской кавалерии, шедшей на левом фланге, высшее начальство нашло, что наш центр слишком отдален от правого фланга, и всей кавалерии велено было перейти на правую сторону. Несколько тысяч кавалерии продвигалось перед пехотой, и пехота должна была ждать [Толстой 1:333]; Впереди, далеко, на том берегу туманного моря, виднелись выступающие лесистые холмы, на которых должна была быть неприятельская армия, и виднелось что-то. Вправо вступала в область тумана гвардия, звучащая топотом и колесами и изредка блестящая штыками; налево, за деревней, такие же массы кавалерии подходили и скрывались в море тумана. Спереди и сзади двигалась пехота. Главнокомандующий стоял на выезде деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузов в это утро казался изнуренным и раздражительным. Шедшая мимо его пехота остановилась без приказа, очевидно, потому, что впереди что-нибудь задержало ее [Толстой 1:336].</p> <p>Все те прежние приемы, бывало, неизменно увенчиваемые успехом: и сосредоточение батарей на один пункт, и атака резервов для прорывания линии, и атака кавалерии des hommes de fer [железных людей], – все эти приемы уже были употреблены, и не только не было победы, но со всех сторон приходили одни и те же известия об убитых и раненых генералах, о необходимости подкреплений, о невозможности сбить русских и о расстройстве войск [Толстой 2:244].</p>
кавалерийский (18)	46,105	–	<p>Это был кавалерийский генерал, в эту кампанию заслуживший особенную милость государя, бывший начальник дивизии, в которой служил Ростов [Толстой 1:504].</p> <p>Государь сказал ему несколько слов и сделал шаг, чтобы подойти к лошади. Опять толпа свиты и толпа улицы, в которой был Ростов, придвинулись к государю. Остановившись у лошади и взявшись рукою за седло, государь обратился к кавалерийскому генералу и сказал громко, очевидно с желанием, чтобы все слышали его [Толстой 1:505].</p> <p>Подъехав к Александру, он приподнял шляпу и при этом движении кавалерийский глаз Ростова не мог не заметить, что Наполеон дурно и не твердо сидел на лошади [Толстой 1:506].</p> <p>Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова,</p>

			<p>была отведена лучшая квартира в деревне [Толстой 1:157].</p> <p>Полки же, как кавалерийский, так и пехотный, были весьма мало приготовлены к предстоящему делу. Люди полков, от солдата до генерала, не ждали сражения и спокойно занимались мирными делами: кормлением лошадей в коннице, собиранием дров – в пехоте [Толстой 1:229].</p> <p>Эти три сборища, шедшие вместе, – кавалерийское депо, депо пленных и обоз Жюно, – все еще составляли что-то отдельное и цельное, хотя и то, и другое, и третье быстро таяло [Толстой 2:546].</p> <p>Выехав в ночь с 13-го на 14-е июня, Балашев, сопровождаемый трубачом и двумя казаками, к рассвету приехал в деревню Рыконты, на французские аванпосты по сю сторону Немана. Он был остановлен французскими кавалерийскими часовыми [Толстой 2:20].</p> <p>Несколько адъютантов поскакало, и через час крепостной человек Денисова, уступленный им Ростову, Лаврушка, в денищицкой куртке на французском кавалерийском седле, с плутовским и пьяным, веселым лицом подъехал к Наполеону [Толстой 2:135].</p> <p>В продолжение нескольких часов на этом месте, среди неумолкаемой стрельбы, ружейной и пушечной, то появлялись одни русские, то одни французские, то пехотные, то кавалерийские солдаты; появлялись, падали, стреляли, сталкивались, не зная, что делать друг с другом, кричали и бежали назад [Толстой 2:239].</p> <p>С утра он с своей партией был на ходу. Он целый день по лесам, примыкавшим к большой дороге, следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных, отделившимся от других войск и под сильным прикрытием, как это было известно от лазутчиков и пленных, направлявшимся к Смоленску [Толстой 2:519].</p>
кавалькада (1)	32,46	1755	<p>Всё побежало, заторопилось, и Ростов увидал сзади по дороге несколько подвезжающих всадников с белыми султанами на шляпах. В одну минуту все были на местах и ждали... Не смея оглядываться во фронте и не оглядываясь, он чувствовал восторженным чутьем его приближение. И он чувствовал это не по одному звуку копыт лошадей приближавшейся кавалькады, но он чувствовал это потому, что, по мере приближения, всё светлее, радостнее и значительнее и праздничнее делалось вокруг него [Толстой 1:311].</p>
казарма (1)	32,46	1703	<p>Такого рода рассуждения, уничтожая все его решения и предположения, часто приходили к Пьеру. Он поехал к Курагину. Подъехав к крыльцу большого дома у конногвардейских казарм, в которых жил Анатолий, он поднялся на освещенное крыльцо, на лестницу, и вошел в отворенную дверь. В передней никого не было; валялись пустые бутылки, плащи, калоши; пахло вином, слышался дальний говор и крик [Толстой 1:41].</p>
канонада (15)	32,46	1761	<p>Проехав гвардию и пустой промежуток, Ростов, для того чтобы не попасть опять в первую линию, как он попал под атаку кавалергардов, поехал по линии резервов, далеко объезжая то место, где слышалась самая жаркая стрельба и канонада [Толстой 1:348].</p> <p>В 6-м часу только у плотины Аугеста еще слышалась жаркая канонада одних французов, выстроивших многочисленные батареи на спуске Праценских высот и бивших по нашим отступающим войскам [Толстой 1:354].</p> <p>Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрепала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперед рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он испытывает то чувство удесятеренной радости жизни, какого он не испытывал с самого детства [Толстой 1:194].</p> <p>Канонада на левом фланге начнется, как только будет услышана канонада правого крыла. Стрелки дивизии Морана и дивизии вице-короля откроют сильный огонь, увидя начало атаки правого крыла [Толстой 2:219].</p>
капитан (90) capitaine (5)	29,40, 61,64	1615	<p>Лицо капитана выражало беспокойство школьника, которому велят сказать не выученный им урок. На красном (очевидно, от невоздержания) лице выступали пятна, и рот не находил положения. Полковой командир с ног до головы осматривал капитана, в то время как он, запыхавшись, подходил, по мере приближения сдерживая шаг [Толстой 1:142].</p> <p>- А, Тимохин! - сказал главнокомандующий, узнавая капитана с красным носом, пострадавшего за синюю шинель. Казалось, нельзя было вытягиваться больше того, как вытягивался Тимохин в то время, как полковой командир делал ему</p>

			<p>замечание. Но в эту минуту обращения к нему главнокомандующего капитан вытянулся так, что, казалось, посмотри на него главнокомандующий еще несколько времени, капитан не выдержал бы; и потому Кутузов, видимо, поняв его положение и желая, напротив, всякого добра капитану, поспешно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробежала чуть заметная улыбка [Толстой 1:145].</p> <p>Борис в эту минуту уже ясно понял то, что он предвидел прежде, именно то, что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе, и которую знали в полку, и он знал, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого затянутого с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким [Толстой 1:305].</p> <p>Засветились огни, и слышнее стал говор. Капитан Тушин, распорядившись по роте, послал одного из солдат отыскать перевязочный пункт или лекаря для юнкера и сел у огня, разложенного на дороге солдатами [Толстой 1:240].</p> <p>На пороге показался Тушин, робко пробравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как и всегда, при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и спотыкнулся на него. Несколько голосов засмеялось.</p> <p>– Каким образом орудие оставлено? – спросил Багратион, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смеявшихся, в числе которых громче всех слышался голос Жеркова. Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия [Толстой 1:244].</p> <p>– Я вижу, что я не во время, – повторил Ростов...</p> <p>– Ах полно, пожалуйста, можешь ли ты быть не во время, – сказал Борис. – Борис ввел его в комнату, где был накрыт ужин, познакомил с гостями, назвав его и объяснив, что он был не статский, но гусарский офицер, его старый приятель. – Граф Жилинский, le comte N.N., le capitaine S.S., [граф Н.Н., капитан С.С.] – называл он гостей. Ростов нахмуренно глядел на французов, неохотно раскланивался и молчал [Толстой 1:500].</p> <p>Красноносый капитан Тимохин, бывший ротный командир Долохова, теперь, за убылью офицеров, батальонный командир, робко вошел в сарай. За ним вошли адъютант и казначей полка [Толстой 2:205].</p> <p>Пьер продолжал по-французски уговаривать офицера не взыскивать с этого пьяного, безумного человека. Француз молча слушал, не изменяя мрачного вида, и вдруг с улыбкой обратился к Пьеру. Он несколько секунд молча посмотрел на него. Красивое лицо его приняло трагически-нежное выражение, и он протянул руку.</p> <p>– Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes Français, [Вы спасли мне жизнь. Вы француз.] – сказал он. Для французца вывод этот был несомненен. Совершить великое дело мог только француз, а спасение жизни его, m-r Ramball'я capitaine du 13-me léger [мосье Рамбаля, капитана 13-го легкого полка] – было, без сомнения, самым великим делом [Толстой 2:361].</p>
капрал (26) corporal (1)	29,61	–	<p>Французский капрал, по-домашнему расстегнутый, в колпаке, с коротенькой трубкой в зубах, вышел из-за угла балагана и, дружески подмигнув, подошел к Пьеру [Толстой 2:488].</p> <p>В то время как Пьер подходил к двери, снаружи подходил с двумя солдатами тот капрал, который вчера угощал Пьера трубкой. И капрал и солдаты были в походной форме, в ранцах и киверах с застегнутыми чешуями, изменявшими их знакомые лица. Капрал шел к двери с тем, чтобы, по приказанию начальства, затворить ее. Перед выпуском надо было пересчитать пленных.</p> <p>– Corporal, que fera-t-on du malade?.. [Капрал, что с больным делать?..] – начал Пьер... [Толстой 2:494].</p> <p>Всякое войско составляет из низших по военному званию членов: рядовых, которых всегда самое большое количество; из следующих по военному званию более высших чинов – капралов, унтер-офицеров, которых число меньше первого; еще высших, число которых еще меньше, и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается в одном лице [Толстой 2:710].</p>
каптенармус (1)	75,76	–	<p>Выстроенные в ряд, стояли в шинелях солдаты, и фельдфебель и ротный рассчитывали людей, тыкая пальцем в грудь крайнему по отделению солдату и приказывая ему поднимать руку; рассыпанные по всему пространству, солдаты тащи-</p>

			ли дрова и хворост и строили балаганчики, весело смеясь и переговариваясь; у костров сидели одетые и голые, суша рубахи, подвертки или починивая сапоги и шинели, толпились около котлов и кашеваров. В одной роте обед был готов, и солдаты с жадными лицами смотрели на дымившиеся котлы и ждали пробы, которую в деревянной чашке подносил каптенармус офицеру, сидевшему на бревне против своего балагана [Толстой 1:215].
карабинер (1)	75	1763	Кутузов, сопутствуемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинерами [Толстой 1:341].
картечь (7)	29,46, 127	1701	<p>«Всё кончилось; но я трус, да, я трус», подумал Ростов и, тяжело вздыхая, взял из рук коновода своего оставившего ногу Грачика и стал садиться.</p> <p>– Что это было, картечь? – спросил он у Денисова.</p> <p>– Да еще какая! – прокричал Денисов. – Молодцами г'аботали! А г'абота сквег'ная! Атака – любезное дело, г'убай в пещи, а тут, чог'т знает что, бьют как в мишень [Толстой 1:183].</p> <p>Французские орудия опять поспешино заряжали. Пехота в синих капотах бегом двинулась к мосту. Опять, но в разных промежутках, показались дымки, и зацелкала и затрепала картечь по мосту. Но в этот раз Несвицкий не мог видеть того, что делалось на мосту. С моста поднялся густой дым. Гусары успели зажечь мост, и французские батареи стреляли по ним уже не для того, чтобы помешать, а для того, что орудия были наведены и было по ком стрелять. Французы успели сделать три картечные выстрела, прежде чем гусары вернулись к коноводам. Два залпа были сделаны неверно, и картечь всю перенесло, но зато последний выстрел попал в середину кучки гусар и повалил троих [Толстой 1:182].</p> <p>Из-за детской радости, возбужденной пожаром, и азарта удачной стрельбы по французам, наши артиллеристы заметили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслед за ними еще четыре ударили между орудиями и одно повалило двух лошадей, а другое оторвало ногу ящичному возжато. Оживление, раз установившееся, однако, не ослабело, а только переменяло настроение. Лошади были заменены другими из запасного лафета, раненые убраны, и четыре орудия повернуты против десятипушечной батареи. Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним картечью [Толстой 1:236].</p>
картечный (8)	46,129	1699	<p>И все приготовились к этому сражению. Крики из ворот затихли. Орудия были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагретые пальники. Офицер командовал «feu!» [пали!], и два свистящие звука жестянок раздались один за другим. Картечные пули затрепачали по камню ворот, бревнам и щитам; и два облака дыма заколебались на площади [Толстой 2:351].</p> <p>– Ну, вот всегда так, – махнув рукой, сказал Несвицкий. – Ты как здесь? – обратился он к Жеркову.</p> <p>– Да за тем же. Однако ты отсырел, дай я тебя выжму.</p> <p>– Вы сказали, господин штаб-офицер, – продолжал полковник обиженным тоном...</p> <p>– Полковник, – перебил свитский офицер, – надо торопиться, а то неприятель пододвинет орудия на картечный выстрел.</p> <p>Полковник молча посмотрел на свитского офицера, на толстого штаб-офицера, на Жеркова и нахмурился.</p> <p>– Я буду мост зажигаю, – сказал он торжественным тоном, как будто бы выражал этим, что, несмотря на все делаемые ему неприятности, он всё-таки сделает то, что должно [Толстой 1:179]; «Зажгут или не зажгут мост? Кто прежде? Они добегут и зажгут мост, или французы подъедут на картечный выстрел и перебьют их?» Эти вопросы с замиранием сердца невольно задавал себе каждый из того большого количества войск, которые стояли над мостом и при ярком вечернем свете смотрели на мост и гусаров и на ту сторону, на подвигавшиеся синие капоты со штыками и орудиями.</p> <p>– Ох! достанется гусарам! – говорил Несвицкий, – не дальше картечного выстрела теперь [Толстой 1:181].</p>
каска (4)	46,141	1707	<p>Ростов, не дослушав Бориса, тронул свою лошадь.</p> <p>– Ты куда? – спросил Борис.</p> <p>– К его величеству с поручением.</p>

			<p>– Вот он! – сказал Борис, которому послышалось, что Ростову нужно было его высочество, вместо его величества. И он указал ему на великого князя, который в ста шагах от них, в каске и в кавалергардском колете, с своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричал австрийскому белому и бледному офицеру [Толстой 1:348].</p> <p>Четвертое направление было направление, которого самым видным представителем был великий князь, наследник цесаревич, не могший забыть своего аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр, выехал перед гвардией в каске и колете, рассчитывая молодецки раздавить французов, и, попав неожиданно в первую линию, насилу ушел в общем смятении [Толстой 2:45-46].</p>
колет (2)	141,145	1733	<p>Четвертое направление было направление, которого самым видным представителем был великий князь, наследник цесаревич, не могший забыть своего аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр, выехал перед гвардией в каске и колете, рассчитывая молодецки раздавить французов, и, попав неожиданно в первую линию, насилу ушел в общем смятении [Толстой 2:45-46].</p> <p>И он указал ему на великого князя, который в ста шагах от них, в каске и в кавалергардском колете, с своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричал австрийскому белому и бледному офицеру [Толстой 1:348].</p>
кор д'арме (1)	46,47, 105	1769	<p>Я ранен, верхом ездить не могу, следственно и командовать армией. Вы кор д'арме ваши привели разбитый в Пултуск: тут оно открыто, и без дров, и без фуража, потому пособить надо, и я так как вчера сами отнесли к графу Буксгевдену, думать должно о ретираде к нашей границе, что и выполнить сегодня [Толстой 1:457].</p>
корнет (7)	29,75	1703	<p>Гусарский корнет из свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, отстал от коляски и подъехал к Долохову. Гусарский корнет Жерков одно время в Петербурге принадлежал к тому буйному обществу, которым руководил Долохов [Толстой 1:149].</p> <p>Ростов недавно отпраздновал свое вышедшее производство в корнеты, купил Бедуина, лошадь Денисова, и был кругом должен товарищам и маркигантам [Толстой 1:291].</p>
лазарет (1)	46	1698	<p>В первый раз после двухнедельного отступления русские войска остановились и после борьбы не только удержали поле сражения, но прогнали французов. Несмотря на то, что войска были раздеты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными; несмотря на то, что на той стороне Дуная были оставлены больные и раненые с письмом Кутузова, поручавшим их человеколюбию неприятеля; несмотря на то, что большие госпитали и дома в Кремсе, обращенные в лазареты, не могли уже вмещать в себе всех больных и раненых, – несмотря на всё это, остановка при Кремсе и победа над Мортье значительно подняли дух войска [Толстой 1:184].</p>
лафет (4)	40,127, 132	1710	<p>С раннего утра начали двигаться щегольски вычищенные и убранные войска, выстраиваясь на поле перед крепостью. То двигались тысячи ног и штыков с развевавшимися знаменами и по команде офицеров останавливались, заворачивались и строились в интервалах, обходя другие такие же массы пехоты в других мундирах; то мерным топотом и бряцанием звучала нарядная кавалерия в синих, красных, зеленых шитых мундирах с расшитыми музыкантами впереди, на вороных, рыжих, серых лошадях; то, растягиваясь с своим медным звуком подрагивающих на лафетах, вычищенных, блестящих пушек и с своим запахом пальников, ползла между пехотой и кавалерией артиллерия и расставлялась на назначенных местах. Не только генералы в полной парадной форме, с перетянутыми донельзя толстыми и тонкими талиями и красневшими, подпертыми воротниками, шеями, в шарфах и всех орденах; не только припосаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдат, – с свежим, вымытым и выбритым лицом и до последней возможности блеска вычищенной амуницией, каждая лошадь, выхоленная так, что, как атлас, светилась на ней шерсть и волосок к волоску лежала примоченная гривка, – все чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное [Толстой 1:299].</p> <p>Князь Андрей с презрением смотрел на эти бесконечные, мешавшиеся команды, повозки, парки, артиллерию и опять повозки, повозки и повозки всех возможных видов, обгонявшие одна другую и в три, в четыре ряда запружавшие грязную дорогу. Со всех сторон, назади и впереди, покуда хватал слух, слышались звуки колес, громохание кузовов, телег и лафетов, лошадиный топот, удары кнутом, крики понуканий, ругательства солдат, денщиков и офицеров. По краям дороги</p>

			видны были беспрестанно то нависшие ободранные и неободранные лошади, то сломанные повозки, у которых, дожидаясь чего-то, сидели одинокие солдаты, то отделившиеся от команд солдат, которые толпами направлялись в соседние деревни или тащили из деревень кур, баранов, сено или мешки, чем-то наполненные [Толстой 1:203].
майор (24)	29,62	–	<p>Но в полдень адъютант полка с серьёзным и печальным лицом пришёл в общую землянку Денисова и Ростова и с пригорбем показал форменную бумагу к майору Денисову от полкового командира, в которой делались запросы о вчерашнем происшествии [Толстой 1:491].</p> <p>Толстый майор ходил перед фронтом и, не переставая и не обращая внимания на крик, говорил: – Солдату позорно красть, солдат должен быть честен, благороден и храбр; а коли у своего брата украл, так в нем чести нет; это мерзавец. Еще, еще! [Толстой 1:215].</p> <p>Толстый майор, пыхтя и разрознивая шаг, обходил куст по дороге; оставший солдат, запыхавшись, с испуганным лицом за свою неисправность, рысью догонял роту... [Толстой 1:227].</p> <p>Полковой командир стоял с майором Экономовым у моста, пропуская мимо себя отступающие роты, когда к нему подошел солдат, взял его за стремя и почти прислонился к нему [Толстой 1:234].</p> <p>Денисов в эту ночь праздновал производство свое в майоры... [Толстой 1:313].</p> <p>Ростов объяснил ему, что он желал видеть здесь лежащего гусарского майора Денисова [Толстой 1:493].</p>
маневр (24)	32,46	1759	<p>Огромные силы, без сомнения, превосходившие силы Наполеона, были стянуты в одно место; войска были одушевлены присутствием императоров и рвались в дело; стратегический пункт, на котором приходилось действовать, был до малейших подробностей известен австрийскому генералу Вейротеру, руководившему войска (как бы счастливая случайность сделала то, что австрийские войска в прошлом году были на маневрах именно на тех полях, на которых теперь предстояло сразиться с французом); до малейших подробностей была известна и передана на картах подлежащая местность, и Бонапарте, видимо, ослабленный, ничего не предпринимал [Толстой 1:306].</p> <p>Но почему военные писатели, а за ними и все, полагают, что этот фланговый марш есть весьма глубокомысленное изобретение какого-нибудь одного лица, спасшее Россию и погубившее Наполеона, – весьма трудно понять. Во-первых, трудно понять, в чем состоит глубокомыслие и гениальность этого движения; ибо для того, чтобы догадаться, что самое лучшее положение армии (когда ее не атакуют) находится там, где больше продовольствия, – не нужно большого умственного напряжения. И каждый, даже глупый тринадцатилетний мальчик, без труда мог догадаться, что в 1812 году самое выгодное положение армии, после отступления от Москвы, было на Калужской дороге. Итак, нельзя понять, во-первых, какими умозаклочениями доходят историки до того, чтобы видеть что-то глубокомысленное в этом маневре. Во-вторых, еще труднее понять, в чем именно историки видят спасительность этого маневра для русских и пагубность его для французам; ибо фланговый марш этот, при других, предшествующих, сопутствовавших и следовавших обстоятельствах, мог быть пагубным для русского и спасительным для французского войска [Толстой 2:462].</p>
маневрировать (2)	46	1760	<p>Кутузов только пожимал плечами, когда ему один за другим представляли проекты маневров с теми дурно обутыми, без полушубков, полуголодными солдатами, которые в один месяц, без сражений, растаяли до половины и с которыми, при наилучших условиях продолжающегося бегства, надо было пройти до границы пространство больше того, которое было пройдено. В особенности это стремление отличиться и маневрировать, опрокидывать и отрезывать проявлялось тогда, когда русские войска наталкивались на войска французам [Толстой 2:576].</p>
марш (44)	45,46	1705	<p>Французам, как доносил лазутчик, перейдя мост в Вене, усиленным маршем шли на Цнайм, лежавший на пути отступления Кутузова, впереди его более чем на сто верст. Достигнуть Цнайма прежде французам – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное подвергнуть всю армию позору, подобному ульмскому, или общей гибели [Толстой 1:209].</p> <p>Когда государь объехал почти все полки, войска стали проходить мимо его церемониальным маршем, и Ростов на вновь купленном у Денисова Бедуине проехал в замке своего эскадрона, т. е. один и совершенно на виду перед государем [Толстой 1:302].</p>

			<p>– Это разбой, ответите, милостивый государь! – возвышая голос, повторил пехотный офицер.</p> <p>– Да вы что ко мне пристали? А? – крикнул Денисов, вдруг разгорячась, – отвечать буду я, а не вы, а вы тут не жужжите, пока целы. Марш! – крикнул он на офицеров.</p> <p>– Хорошо же! – не робея и не отъезжая, кричал маленький офицер, – разбойничать, так я вам...</p> <p>– К чо'ту марш скорым шагом, пока цел. – И Денисов повернул лошадь к офицеру [Толстой 1:489].</p> <p>Через полчаса выстроенный эскадрон стоял на дороге. Послышалась команда: «Садись! – солдаты перекрестились и стали садиться. Ростов, выехав вперед, скомандовал: «Марш! – и, вытянувшись в четыре человека, гусары, звуча шлепаньем копыт по мокрой дороге, брэнчаньем сабель и тихим говором, тронулись по большой, обсаженной березами дороге, вслед за шедшей впереди пехотой и батареей [Толстой 2:64].</p> <p>После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее, важнейшим эпизодом войны 1812 года историки признают движение русской армии с Рязанской на Калужскую дорогу и к Тарутинскому лагерю – так называемый фланговый марш за Красной Пахрой. Историки приписывают славу этого гениального подвига различным лицам и спорят о том, кому, собственно, она принадлежит. Даже иностранные, даже французские историки признают гениальность русских полководцев, говоря об этом фланговом марше. Но почему военные писатели, а за ними и все, полагают, что этот фланговый марш есть весьма глубокомысленное изобретение какого-нибудь одного лица, спасшее Россию и погубившее Наполеона, – весьма трудно понять [Толстой 2:462].</p> <p>«Ну, тише, тише, замирайте теперь. – И звуки слушались его. – Ну, теперь полнее, веселее. Еще, еще радостнее. – И из неизвестной глубины поднимались усиливающиеся, торжественные звуки. – Ну, голоса, приставайте!» – приказал Петя. И сначала издали слышались голоса мужские, потом женские. Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилии. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте. С торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, и вжиг, жиг, жиг... свистела сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя в него [Толстой 2:542].</p> <p>«Je crois devoir faire connaître à Votre Majesté l'état de ses troupes dans les différents corps d'année que j'ai été à même d'observer depuis deux ou trois jours dans différents passages...». [Долгом поставляю донести вашему величеству о состоянии корпусов, осмотренных мною на марше в последние три дня] [Толстой 2:556].</p>
марш-марш (1)	46	–	<p>В то время как проходил этот Апишеронский батальон, румяный Милорадович, без шинели, в мундире и орденах и со шляпой с огромным султаном, надетой набекрень и с поля, марш-марш выскакал вперед и, молодецки салютуя, осадил лошадь перед государем [Толстой 1:340].</p>
маршал (52) maréchal (5)	29,45,55, 58	1705	<p>На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюрат Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост. (Заметьте, все трое гасконцы.) Господа, – говорит один, – вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован, и что перед ним грозный tête de pont и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будет приятно, ежели мы возьмем этот мост. Проедемте втроем и возьмем этот мост. – Проедемте, говорят другие; и они отправляются и берут мост, переходят его и теперь со всею армией по сю сторону Дуная направляются на нас, на вас и на ваши сообщения... Господа эти приезжают на мост одни и поднимают белые платки; уверяют, что перемирие, и что они, маршалы, едут для переговоров с князем Ауэрспергом. Дежурный офицер пускает их в tête de pont. [мостовое укрепление] [Толстой 1:199-200].</p> <p>Маршалы стояли позади его и не смели развлекать его внимание. Он смотрел то на Праценские высоты, то на выплывавшее из тумана солнце. Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой, белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело. Маршалы, сопровождаемые адъютантами, поскакали в разные стороны, и через несколько минут быстро двинулись главные силы французской армии к тем Праценским высотам, которые всё более и более очищались русскими войсками, спускавшимися налево в лощину [Толстой 1:334].</p> <p>Маршалы и генералы, находившиеся в более близком расстоянии от поля сражения, но так же, как и Наполеон, не уча-</p>

			<p>ствовавшие в самом сражении и только изредка заезжавшие под огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, делали свои распоряжения и отдавали свои приказания о том, куда и откуда стрелять, и куда скакать конным, и куда бежать пешим солдатам. Но даже и их распоряжения, точно так же как распоряжения Наполеона, точно так же в самой малой степени и редко приводились в исполнение. Большой частью выходило противное тому, что они приказывали [Толстой 2:240].</p> <p>На лицах французского генерала, офицеров и солдат одновременно, как по команде, прежнее выражение веселости и спокойствия заменилось упорным, сосредоточенным выражением готовности на борьбу и страдания. Для них всех, начиная от маршала и до последнего солдата, это место не было Вздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкие ворота, а это была новая местность нового поля, вероятно, кровопролитного сражения. И все приготовились к этому сражению [Толстой 2:351].</p> <p>Со всех сторон слышались крики команды, и с левой стороны, рысью объезжая пленных, показались кавалеристы, хорошо одетые, на хороших лошадях. На всех лицах было выражение напряженности, которая бывает у людей при близости высших властей. Пленные сбились в кучу, их толкнули с дороги; конвойные построились.</p> <p>– L'Empereur! L'Empereur! Le maréchal! Le duc! [Император! Император! Маршал! Герцог!] – и только что проехали сытые конвойные, как прогремела карета цугом, на серых лошадях. Пьер мельком увидел спокойное, красивое, толстое и белое лицо человека в треугольной шляпе. Это был один из маршалов. Взгляд маршала обратился на крупную, заметную фигуру Пьера, и в том выражении, с которым маршал этот нахмурился и отвернул лицо, Пьеру показалось сострадание и желание скрыть его [Толстой 2:551].</p>
маршальский (1)	46	–	<p>Под Красным взяли двадцать шесть тысяч пленных, сотни пушек, какую-то палку, которую называли маршальским жезлом, и спорили о том, кто там отличился, и были этим довольны, но очень сожалели о том, что не взяли Наполеона или хоть какого-нибудь героя, маршала, и упрекали в этом друг друга и в особенности Кутузова [Толстой 2:577].</p>
маршировать (3)	46	1708	<p>Так как неприятель опирается левым крылом своим на покрытые лесом горы, а правым крылом тянется вдоль Кобельница и Сокольница позади находящихся там прудов, а мы, напротив, превосходим нашим левым крылом его правое, то выгодно нам атаковать сие последнее неприятельское крыло, особливо если мы займем деревни Сокольниц и Кобельниц, будучи поставлены в возможность нападать на фланг неприятеля и преследовать его в равнине между Шлапаницем и лесом Тюрасским, избегая вместе с тем дефилии между Шлапаницем и Беловицем, которую прикрыт неприятельский фронт. Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует... и т. д., читал Вейротер. Генералы, казалось, неохотно слушали трудную диспозицию [Толстой 1:320].</p>
медаль (1)	46	1712	<p>15-го числа утром, на третий день после этого, у Слободского дворца стояло бесчисленное количество экипажей. Залы были полны. В первой были дворяне в мундирах, во второй купцы с медалями, в бородах и синих кафтанах. По зале Дворянского собрания шел гул и движение. У одного большого стола, под портретом государя, сидели на стульях с высокими спинками важнейшие вельможи; но большинство дворян ходило по зале [Толстой 2:94].</p>
мундир (110)	46,141	1706	<p>Полковой командир был пожилой, сангвинический, с седеющими бровями и бакенбардами генерал, плотный и широкий больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому. На нем был новый, с иголочки, со слежавшимися складками мундир и густые золотые эполеты, которые как будто не книзу, а кверху поднимали его тучные плечи [Толстой 1:140].</p> <p>Подле Кутузова сидел австрийский генерал в странном, среди черных русских, белом мундире [Толстой 1:144].</p> <p>Стало уже так темно, что в десяти шагах нельзя было различить мундиров солдат, и перестрелка стала стихать [Толстой 1:240].</p> <p>С раннего утра начали двигаться щегольски вычищенные и убранные войска, выстраиваясь на поле перед крепостью. То двигались тысячи ног и штыков с развевавшимися знаменами и по команде офицеров останавливались, заворачивались и строились в интервалах, обходя другие такие же массы пехоты в других мундирах; то мерным топотом и бряцанием звучала нарядная кавалерия в синих, красных, зеленых шитых мундирах с расшитыми музыкантами впереди, на вороных, рыжих, серых лошадях; то, растягиваясь с своим медным звуком подрагивающих на лафетах, вычищенных, блестящих пушек и с своим запахом пальников, ползла между пехотой и кавалерией артиллерия и расставлялась на назначенных местах</p>

			[Толстой 1:299].
мушкатер (3)	46,67,92	–	<p>Князь Андрей закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкатеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперед рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он испытывает то чувство удесятельной радости жизни, какого он не испытывал с самого детства [Толстой 1:194].</p> <p>Солдаты, стоявшие в цепи, как люди, показывающие что-нибудь редкое, уж не смотрели на французов, а делали свои наблюдения над проходящими и, скучая, дожидались смены. Князь Андрей остановился рассматривать французов.</p> <p>– Глянь-ка, глянь, – говорил один солдат товарищу, указывая на русского мушкатера-солдата, который с офицером подошел к цепи и что-то часто и горячо говорил с французским гренадером. – Вишь, лопочет как ловко! Аж хранцуз-то за ним не поспевает. Ну-ка ты, Сидоров! [Толстой 1:216].</p> <p>Молодой, красивый солдат, который притащил дрова, подперся руками в бока и стал быстро и ловко топотать озябшими ногами на месте.</p> <p>– Ах, маменька, холодная роса, да хороша, да в мушкатера... – припевал он, как будто икая на каждом слоге песни [Толстой 2:586].</p>
мушкатерский (1)	46	–	Мушкатерский полк, вышедший из Тарутина в числе трех тысяч, теперь, в числе девятист человек, пришел одним из первых на назначенное место ночлега, в деревне на большой дороге. Квартиргеры, встретившие полк, объявили, что все избы заняты больными и мертвыми французами, кавалеристами и штабами [Толстой 2:583].
мушкетон (1)	123,133	1724	Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдиранья лошадей и т. п., скоро оказал большую охоту и способность к партизанской войне. Он по ночам уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское, а когда ему приказывали, то приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки. Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон , который он носил больше для смеха, пика и топор... [Толстой 2:526].
обер-интендант (1)	45,86	–	<p>Кутузов смотрел себе на ноги и изредка оглядывался на двор соседней избы, как будто он ждал чего-то неприятного оттуда. Из избы, на которую он смотрел, действительно во время речи Денисова показался генерал с портфелем под мышкой.</p> <p>– Что? – в середине изложения Денисова проговорил Кутузов. – Уже готовы?</p> <p>– Готов, ваша светлость, – сказал генерал. Кутузов покачал головой, как бы говоря: «Как это все успеть одному человеку», и продолжал слушать Денисова.</p> <p>– Даю честное благородное слово гусского офицег'а, – говорил Денисов, – что я г'азог'ву сообщения Наполеона.</p> <p>– Тебе Кирилл Андреевич Денисов, обер-интендант, как приходится? – перебил его Кутузов.</p> <p>– Дядя г'одной, ваша светлость.</p> <p>– О! приятели были, – весело сказал Кутузов. – Хорошо, хорошо, голубчик, оставайся тут при штабе, завтра поговорим. – Кивнув головой Денисову, он отвернулся и протянул руку к бумагам, которые принес ему Коновницын [Толстой 2:171].</p>
обмундирование (4)	46	–	<p>Более недели готовились, писались брүльоны и переписывались набело письма к Николушке от всего дома; под наблюдением графини и заботливостью графа собирались нужные вещицы и деньги для обмундирования и обзаведения вновь произведенного офицера. Анна Михайловна, практическая женщина, сумела устроить себе и своему сыну протекцию в армии даже и для переписки [Толстой 1:290].</p> <p>Было велено секретарю писать постановление московского дворянства о том, что москвичи, подобно смолянам, жертвуют по десять человек с тысячи и полное обмундирование [Толстой 2:100].</p> <p>На другой день княжна к вечеру уехала, и к Пьеру приехал его главноуправляющий с известием, что требуемых им денег для обмундирования полка нельзя достать, ежели не продать одно имение. Главноуправляющий вообще представлял Пье-</p>

			<i>ру, что все эти затеи полка должны были разорить его. Пьер с трудом скрывал улыбку, слушая слова управляющего [Толстой 2:182].</i>
обмундировать (2)	46	–	<i>У меня нет, можешь себе представить, à la lettre [буквально] нет гривенника денег, и я не знаю, на что обмундировать Бориса. – Она вынула платок и заплакала. – Мне нужно пятьсот рублей, а у меня одна двадцатипятирублевая бумажка. Я в таком положении... Одна моя надежда теперь на графа Кирилла Владимировича Безухова. Ежели он не захочет поддержать своего крестника, – ведь он крестил Борю, – и назначить ему что-нибудь на содержание, то все мои хлопоты пропадут: мне не на что будет обмундировать его [Толстой 1:60].</i>
обмундироваться (1)	46	–	<i>Получив записку Бориса, Ростов с товарищем поехал до Ольмюца, там пообедал, выпил бутылку вина и один поехал в гвардейский лагерь отыскивать своего товарища детства. Ростов еще не успел обмундироваться. На нем была затасканная юнкерская куртка с солдатским крестом, такие же, подбитые затертой кожей, рейтузы и офицерская с темляком сабля; лошадь, на которой он ехал, была донская, купленная походом у казака; гусарская измятая шапочка была ухарски надета назад и набок. Подъезжая к лагерю Измайловского полка, он думал о том, как он поразит Бориса и всех его товарищей-гвардейцев своим обстреленным боевым гусарским видом [Толстой 1:291].</i>
обмундировка (1)	46	–	<i>Анна Михайловна имела случай посылать свои письма к великому князю Константину Павловичу, который командовал гвардией. Ростовы предполагали, что русская гвардия за границей, есть совершенно-определятельный адрес, и что ежели письмо дойдет до великого князя, командовавшего гвардией, то нет причины, чтобы оно не дошло до Павлоградского полка, который должен быть там же поблизости; и потому решено было отослать письма и деньги через курьера великого князя к Борису, и Борис уже должен был доставить их к Николушке. Письма были от старого графа, от графини, от Пети, от Веры, от Наташи, от Сони и, наконец, 6 000 денег на обмундировку и различные вещи, которые граф посылал сыну [Толстой 1:290].</i>
ординарец (10)	75,81	п.э.	<i>Знакомая павлоградцам, с высокоподнятыми плечами, фигура Жеркова (он недавно выбыл из их полка) подъехала к полковому командиру. Жерков, после своего изгнания из главного штаба, не остался в полку, говоря, что он не дурак во фронте лямку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше, и умел пристроиться ординарцем к князю Багратиону. Он приехал к своему бывшему начальнику с приказанием от начальника ариергарда [Толстой 1:178]; Сменившись из цепи, Ростов успел соснуть несколько часов перед утром и чувствовал себя веселым, смелым, решительным, с тою упругостью движений, уверенностью в свое счастье и в том расположении духа, в котором всё кажется легко, весело и возможно. Все желания его исполнялись в это утро; давалось генеральное сражение, он участвовал в нем; мало того, он был ординарцем при храбрейшем генерале; мало того, он ехал с поручением к Кутузову, а может быть, и к самому государю [Толстой 1:345]. Император Франц, румяный длиннолицый молодой человек, чрезвычайно прямо сидел на красивом вороном жеребце и озабоченно и неторопливо оглядывался вокруг себя. Он подозвал одного из своих белых адъютантов и спросил что-то. «Верно, в котором часу они выехали», подумал князь Андрей, наблюдая своего старого знакомого, с улыбкой, которую он не мог удержат, вспоминая свою аудиенцию. В свите императоров были отобранные молодцы-ординарцы, русские и австрийские, гвардейских и армейских полков. Между ними велись берейторами в расшитых пополах красивые царские лошади [Толстой 1:338-339]; С поля сражения беспрестанно прискакивали к Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршалов с докладами о ходе дела; но все эти доклады были ложны: и потому, что в жару сражения невозможно сказать, что происходит в данную минуту, и потому, что многие адъютанты не доезжали до настоящего места сражения, а передавали то, что они слышали от других; и еще потому, что пока проезжал адъютант те две-три версты, которые отделяли его от Наполеона, обстоятельства изменялись и известие, которое он вез, уже становилось неверно [Толстой 2:239-240]. – Вот что, мой милый, я думал о вас, – сказал князь Андрей, когда они прошли в большую залу с клавикордами. – К главнокомандующему вам ходить нечего, – говорил князь Андрей, – он наговорит вам кучу любезностей, скажет, чтобы приходили к нему обедать («это было бы еще не так плохо для службы по той субординации», подумал Борис), но из этого</i>

			<p>дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и ординарцев, скоро будет батальон. Но вот что мы сделаем: у меня есть хороший приятель, генерал-адъютант и прекрасный человек, князь Долгоруков; и хотя вы этого можете не знать, но дело в том, что теперь Кутузов с его штабом и мы все равно ничего не значим: всё теперь сосредоточивается у государя; так вот мы пойдёмте-ка к Долгорукову, мне и надо сходить к нему, я уж ему говорил про вас; так мы и посмотрим; не найдет ли он возможным пристроить вас при себе, или где-нибудь там, поближе к солнцу [Толстой 1:305-306]</p>
партизан (10)	46,75,87	п.э.	<p>Мелкие же партизаны, давно уже начавшие свое дело и близко высматривавшие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лавившие между французами, считали, что теперь уже все было возможно. 22-го октября Денисов, бывший одним из партизанов, находился с своей партией в самом разгаре партизанской страсти. С утра он с своей партией был на ходу. Он целый день по лесам, примыкавшим к большой дороге, следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных, отделившимся от других войск и под сильным прикрытием, как это было известно от лазутчиков и пленных, направлявшимся к Смоленску. Про этот транспорт было известно не только Денисову и Долохову (тоже партизану с небольшой партией), ходившему близко от Денисова, но и начальникам больших отрядов с штабами: все знали про этот транспорт и, как говорил Денисов, точили на него зубы. Двое из этих больших отрядных начальников – один поляк, другой немец – почти в одно и то же время прислали Денисову приглашение присоединиться каждый к своему отряду, с тем чтобы напасть на транспорт [Толстой 2:519-520];</p> <p>«Едва ли выйдет другой такой случай, как нынче, напасть на транспорт. Одному нападать слишком рискованно, а отложить до другого дня – из-под носа захватит добычу кто-нибудь из больших партизанов», – думал Денисов, беспрестанно взглядывая вперед, думая увидеть ожидаемого посланного от Долохова [Толстой 2:522].</p> <p>Партизаны уничтожали Великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева – французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни... Был дьячок начальником партии, взявший в месяце несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов [Толстой 2:519].</p> <p>Приехавший был Бицкий, служивший в различных комиссиях, бывавший во всех обществах Петербурга, страстный поклонник новых идей и Сперанского и озабоченный вестовщик Петербурга, один из тех людей, которые выбирают направление как платье – по моде, но которые по этому-то кажутся самыми горячими партизанами направлений. Он озабоченно, едва успев снять шляпу, вбежал к князю Андрею и тотчас же начал говорить [Толстой 1:565].</p>
партизанский (10)	46,87	–	<p>Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил... Одним из самых осязательных и выгодных отступлений от так называемых правил войны есть действие разрозненных людей против людей, жмущихся в кучу. Такого рода действия всегда проявляются в войне, принимающей народный характер. Действия эти состоят в том, что, вместо того чтобы становиться толпой против толпы, люди расходятся врозь, нападают поодиночке и тотчас же бегут, когда на них нападают большими силами, а потом опять нападают, когда представляется случай. Это делали гверильясы в Испании; это делали горцы на Кавказе; это делали русские в 1812-м году. Войну такого рода называли партизанскою и полагали, что, назвав её так, объяснили её значение. Между тем такого рода война не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна известному и признанному за непогрешимое тактическому правилу. Правило это говорит, что атакующий должен сосредоточивать свои войска с тем, чтобы в момент боя быть сильнее противника. Партизанская война (всегда успешная, как показывает история) прямо противоположна этому правилу. Противоречие это происходит оттого, что военная наука принимает силу войск тождественною с их численностью. Военная наука говорит, что чем больше войска, тем больше силы. <i>Les gros bataillons ont toujours raison.</i> [Право всегда на стороне больших армий.]... Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской</p>

			<p>армии – отсталые мародеры, фуражиры – были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бес- сознательно, как бессознательно собаки загрызают забеглую бешеную собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем пер- вый понял значение той страшной дубины, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожала французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приёма войны. 24-го августа был учрежден первый партизан- ский отряд Давыдова, и вслед за его отрядом стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем более увеличивалось число этих отрядов [Толстой 2:515-519].</p>
пистолет (43)	124,125	1689	<p>– Нет, об чем же говорить! – сказал Пьер, – всё равно... Так готово? – прибавил он. – Вы мне скажите только, как ку- да ходить, и стрелять куда? – сказал он, неестественно-кротко улыбаясь. – Он взял в руки пистолет, стал расспраши- вать о способе спуска, так как он до сих пор не держал в руках пистолета, в чем он не хотел сознаваться. – Ах да, вот так, я знаю, я забыл только, – говорил он [Толстой 1:384].</p> <p>Денисов, безжалостно вдавив своими маленькими ногами шпоры в бока доброго Бедуина, будто падая назад, поскакал к другому флангу эскадрона и хриплым голосом закричал, чтоб осмотрели пистолеты. Он подъехал к Кирстену. Штаб- ротмистр, на широкой и степенной кобыле, шагом ехал навстречу Денисову [Толстой 1:177].</p> <p>Одевшись в французские шинели и кивера, Петя с Долоховым поехали на ту просеку, с которой Денисов смотрел на лагерь, и, выехав из леса в совершенной темноте, спустились в лощину. Съехав вниз, Долохов велел сопровождавшим его казакам дожидаться тут и поехал крупной рысью по дороге к мосту. Петя, замирая от волнения, ехал с ним рядом.</p> <p>– Если попадемся, я живым не отдамся, у меня пистолет, – прошептал Петя.</p> <p>– Не говори по-русски, – быстрым шепотом сказал Долохов, и в ту же минуту в темноте послышался оклик: «<i>Qui vive?</i>» [Кто идет?] и звон ружья.</p> <p>Кровь бросилась в лицо Пети, и он схватился за пистолет.</p> <p>– <i>Lanciers du sixième</i>, [Уланы шестого полка.] – проговорил Долохов, не укорачивая и не прибавляя хода лошади. Чер- ная фигура часового стояла на мосту [Толстой 2:536].</p> <p>Один раз француз, которого брал Тихон, выстрелил в него из пистолета и попал ему в мякоть спины. Рана эта, от которой Тихон лечился только водкой, внутренне и наружно, была предметом самых веселых шуток во всем отряде и шу- ток, которым охотно поддавался Тихон [Толстой 2:527].</p> <p>– Что, барин, не спите? – сказал казак, сидевший под фурой.</p> <p>– Нет; а... Лихачев, кажется, тебя звать? Ведь я сейчас только приехал. Мы ездили к французам. – И Петя подробно рассказал казаку не только свою поездку, но и то, почему он ездил и почему он считает, что лучше рисковать своей жи- знью, чем делать наобум Лазаря.</p> <p>– Что же, соснули бы, – сказал казак.</p> <p>– Нет, я привык, – отвечал Петя. – А что, у вас кремни в пистолетах не обились? Я привез с собою. Не нужно ли? Ты возьми [Толстой 2:540].</p>
пистолетик (1)	126	–	<p>Герасим и дворник, шедшие следом за Макар Алексеичем, остановили его в сенях и стали отнимать пистолет. Пьер, выйдя в коридор, с жалостью и отвращением смотрел на этого полусумасшедшего старика. Макар Алексеич, морщась от усилий, удерживал пистолет и кричал хриплым голосом, видимо, себе воображая что-то торжественное.</p> <p>– К оружию! На abordаж! Врешь, не отнимешь! – кричал он.</p> <p>– Будет, пожалуйста, будет. Сделайте милость, пожалуйста, оставьте. Ну, пожалуйста, барин... – говорил Герасим, осторожно за локти стараясь поворотить Макар Алексеича к двери.</p> <p>– Ты кто? Бонапарт!.. – кричал Макар Алексеич.</p> <p>– Это нехорошо, сударь. Вы пожалуйста в комнаты, вы отдохните. Пожалуйста пистолетик.</p> <p>– Прочь, раб презренный! Не прикасайся! Видел? – кричал Макар Алексеич, потрясая пистолетом. – На abordаж! [Тол- стой 2:358].</p>

<p>плюмаж (6)</p>	<p>29,141, 146</p>	<p>—</p>	<p><i>Анатоль сидел прямо, в классической позе военных щеголей, закутав низ лица бобровым воротником и немного пригнув голову. Лицо его было румяно и свежо, шляпа с белым плюмажем была надета на бок, открывая завитые, напомаженные и осыпанные мелким снегом волосы [Толстой 1:720]; К Кутузову подсказал австрийский офицер с зеленым плюмажем на шляпе, в белом мундире, и спросил от имени императора: выступила ли в дело четвертая колонна? [Толстой 1:336].</i></p> <p><i>Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное. Кроме того, он был рассеян. Вставая, он вместо своей шляпы захватил трехугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал ее, дергая султан, до тех пор, пока генерал не попросил возвратить ее. Но вся его рассеянность и неумение войти в салон и говорить в нем выкупались выражением добродушия, простоты и скромности [Толстой 1:31].</i></p> <p><i>Нерешительность государя продолжалась одно мгновение. Нога государя, с узким, острым носком сапога, как носили в то время, дотронулась до паха англазированной гнедой кобылы, на которой он ехал; рука государя в белой перчатке подобрала поводья, он тронулся, сопровождаемый беспорядочно-заколыхавшимся морем адъютантов. Дальше и дальше отъезжал он, останавливаясь у других полков, и, наконец, только белый плюмаж его виднелся Ростову из-за свиты, окружавшей императора [Толстой 1:302].</i></p> <p><i>В Ольмюце он не застал в этот день князя Андрея. Но вид Ольмюца, где стояла главная квартира, дипломатический корпус и жили оба императора с своими свитами – придворных, приближенных, только больше усилил его желание принадлежать к этому верховному миру. Он никого не знал, и, несмотря на его щегольской гвардейский мундир, все эти высшие люди, сновавшие по улицам, в щегольских экипажах, плюмажах, лентах и орденах, придворные и военные, казалось, стояли так неизмеримо выше его, гвардейского офицера, что не только не хотели, но и не могли признать его существование [Толстой 1:303].</i></p> <p><i>У Яузского моста все еще теснилось войско. Было жарко. Кутузов, нахмуренный, унылый, сидел на лавке около моста и плетью играл по песку, когда с шумом подскакала к нему коляска. Человек в генеральском мундире, в шляпе с плюмажем, с бегающими не то гневными, не то испуганными глазами подошел к Кутузову и стал по-французски говорить ему что-то. Это был граф Раstopчин [Толстой 2:349].</i></p>
<p>редут (36) redoute (4)</p>	<p>29,38, 45,134</p>	<p>1695</p>	<p><i>Редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов.</i></p> <p><i>В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска. Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении [Толстой 2010: 2:231-232]. Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон подумал несколько времени молча и указал на места, на которых должны были быть устроены к завтраму две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия [Толстой 2:218].</i></p> <p><i>– Это опять он, – сказал офицер. (Это был Шевардинский редут.) – Вчера было наше, а теперь его.</i></p> <p><i>– Так как же наша позиция?</i></p> <p><i>– Позиция? – сказал офицер с улыбкой удовольствия. – Я это могу рассказать вам ясно, потому что я почти все укрепления наши строил. Вот, видите ли, центр наш в Бородине, вот тут. – Он указал на деревню с белой церковью, бывшей впереди. – Тут переправа через Колочу. Вот тут, видите, где еще в низочке ряды скошенного сена лежат, вот тут и мост. Это наш центр. Правый фланг наш вот где (он указал круто направо, далеко в ущелье), там Москва-река, и там мы три редута построили очень сильные. Левый фланг... – и тут офицер остановился. – Видите ли, это трудно вам объяснить... Вчера левый фланг наш был вот там, в Шевардине, вон, видите, где дуб; а теперь мы отнесли назад левое крыло, теперь вон, вон – видите деревню и дым? – это Семеновское, да вот здесь, – он указал на курган Раевского [Толстой 2:195].</i></p> <p><i>– Bah, vraiment! Eh bien, tant mieux, – сказал француз. – Vous êtes de fiers ennemis, tout de même. La grande redoute a été tenace, nom d'une pipe. Et vous nous l'avez fait crânement payer. J'y suis allé trois fois, tel que vous me voyez. Trois fois nous étions</i></p>

			<p><i>sur les canons et trois fois on nous a culbuté et comme des capucins de cartes. Oh!! c'était beau, monsieur Pierre. Vos grenadiers ont été superbes, tonnerre de Dieu. [Ба, в самом деле? Тем лучше. Вы лихие враги, надо признаться. Хорошо держался большой редут, черт возьми. И дорого же вы заставили нас поплатиться. Я там три раза был, как вы меня видите. Три раза мы были на пушках, три раза нас опрокидывали, как карточных солдатиков. Ваши гренадеры были великолепны, ей-богу [Толстой 2:364].</i></p> <p><i>Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи, или батареи Раевского, а у французов под именем la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre [большого редута, рокового редута, центрального редута] место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции [Толстой 2:231].</i></p>
рекрут (7)	75,92	1701	<p><i>С осени 1806 года опять всё заговорило о войне с Наполеоном еще с большим жаром, чем в прошлом году. Назначен был не только набор рекрут, но и еще девяти ратников с тысячи [Толстой 1:404].</i></p> <p><i>Это была партия рекрут, набранных у нас и посылаемых в армию. Надо было видеть состояние, в котором находились матери, жены и дети тех, которые уходили, и слышать рыдания тех и других. Подумаешь, что человечество забыло законы своего Божественного Спасителя, учившего нас любви и прощению обид, и что оно полагает главное достоинство свое в искусстве убивать друг друга [Толстой 1:119].</i></p> <p><i>Граф Илья Андреич, сладко улыбаясь, одобрительно кивал головой.</i></p> <p><i>– И что же, разве наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! только разорили наши хозяйства. Лучшие еще набор... а то вернется к вам ни солдат, ни мужик, и только один разврат. Дворяне не жалеют своего живота, мы сами поголовно пойдем, возьмем еще рекрут, и всем нам только клич клички гусай (он так выговаривал государь), мы все умрем за него, – прибавил оратор одушевляясь [Толстой 2:96].</i></p> <p><i>Несмотря на то, что положение французского войска и его численность были неизвестны русским, как скоро изменилось отношение, необходимость наступления тотчас же выразилась в бесчисленном количестве признаков. Признаками этими были: и присылка Лористона, и изобилие провианта в Тарутине, и сведения, приходившие со всех сторон о бездействии и беспорядке французов, и комплектование наших полков рекрутами, и хорошая погода, и продолжительный отдых русских солдат... [Толстой 2:466].</i></p>
ретирада (3)	32,46	–	<p><i>В газетах, из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении, было написано, как и всегда, весьма кратко и неопределенно, о том, что русские после блестящих баталей должны были отретироваться и ретираду произвели в совершенном порядке [Толстой 1:392].</i></p> <p><i>Я ранен, верхом ездить не могу, следовательно и командовать армией. Вы кор д'арме ваш привели разбитый в Пултуск: тут оно открыто, и без дров, и без фуража, потому пособить надо, и я так как вчера сами отнесли к графу Буксгевдену, думать должно о ретираде к нашей границе, что и выполнить сегодня [Толстой 1:457].</i></p> <p><i>Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей от усталости и в госпиталях более 15 тысяч; а ежели бы наступали, того бы не было [Толстой 2:129].</i></p>
ретироваться (2)	46	П.Э.	<p><i>В газетах, из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении, было написано, как и всегда, весьма кратко и неопределенно, о том, что русские после блестящих баталей должны были отретироваться и ретираду произвели в совершенном порядке [Толстой 1:392].</i></p> <p><i>От всех моих поездок, écrit-il à l'Empereur, получил ссадину от седла, которая сверх прежних перевозок моих совсем мне мешает ездить верхом и командовать такой обширной армией, а потому я командование оной сложил на старшего по мне генерала, графа Буксгевдена, отослав к нему всё дежурство и всё принадлежащее к оному, советовав им, если хлеба не будет, ретироваться ближе во внутренность Пруссии, потому что оставалось хлеба только на один день, а у иных полков ничего, как о том дивизионные командиры Остерман и Седморецкий объявили, а у мужиков всё съедено; я и сам, пока вылечусь, остаюсь в госпитале в Остроленке [Толстой 1:457].</i></p>

сержант (6) sergent (1)	29,32,46	17 в.	<p>Французский баталион вбегает в <i>tête de pont</i>, заколачивают пушки, и мост взят. Нет, но что лучше всего, – продолжал он, успокоиваясь в своем волнении прелестью собственного рассказа, – это то, что сержант, приставленный к той пушке, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мост, сержант этот, увидав, что французские войска бегут на мост, хотел уже стрелять, но Ланн отвел его руку. Сержант, который, видно, был умнее своего генерала, подходит к Ауэрспергу и говорит: «Князь, вас обманывают, вот французы!» Мюрат видит, что дело проиграно, ежели дать говорить сержанту. Он с удивлением (настоящий гасконец) обращается к Ауэрспергу: «Я не узнаю столь хваленую в мире австрийскую дисциплину, – говорит он, – и вы позволяете так говорить с вами низшему чину!» <i>C'est génial. Le prince d'Auersperg se pique d'honneur et fait mettre le sergent aux arrêts...</i> [Это гениально. Князь Ауэрсперг оскорбляется и приказывает арестовать сержанта] [Толстой 1:201].</p> <p>Ежели бы Наполеон не оскорбился требованием отступить за Вислу и не велел наступать войскам, не было бы войны; но ежели бы все сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть [Толстой 2:9].</p>
tête de pont (5)	46,48	–	<p>– Право, для меня всё равно, совершенно всё равно! – сказал князь Андрей, начиная понимать, что известие его о сражении под Кремсом действительно имело мало важности ввиду таких событий, как занятие столицы Австрии. – Как же Вена взята? А мост и знаменитый tête de pont, [мостовое укрепление] и князь Ауэрсперг? У нас были слухи, что князь Ауэрсперг защищает Вену, – сказал он [Толстой 1:192].</p> <p>На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюрат Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост. (Заметьте, все трое гасконцы.) Господа, – говорит один, – вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован, и что перед ним грозный tête de pont и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать... Господа эти приезжают на мост одни и поднимают белые платки; уверяют, что перемирие, и что они, маршалы, едут для переговоров с князем Ауэрспергом. Дежурный офицер пускает их в tête de pont [мостовое укрепление] [Толстой 1:200].</p>
фланг (88)	45,115, 148	1704	<p>Князь Андрей, выехав в переднюю линию, поехал по фронту. Цепь наша и неприятельская стояли на левом и на правом фланге далеко друг от друга, но в середине, в том месте, где утром проезжали парламентареры, цепи сошлись так близко, что могли видеть лица друг друга и переговариваться между собой [Толстой 1:215].</p> <p>Объехав всю линию войск от правого до левого фланга, князь Андрей поднялся на ту батарею, с которой, по словам штаб-офицера, всё поле было видно [Толстой 1:217].</p> <p>В-третьих, доказательством того, что позиция, на которой произошло сражение, не была предвидена и что Шевардинский редут не был передовым пунктом этой позиции, служит то, что Барклай де Толли и Багратион до 25-го числа находились в убеждении, что Шевардинский редут есть левый фланг позиции и что сам Кутузов в донесении своем, писанном сгоряча после сражения, называет Шевардинский редут левым флангом позиции [Толстой 2:188].</p>
фланговый (12)	46	–	<p>Солдаты дугой обходили что-то в том месте, куда упало ядро; старый кавалер, фланговый унтер-офицер, отстав около убитых, догнал свой ряд, подпрыгнув, переменял ногу, попал в шаг и сердито оглянулся [Толстой 1:227].</p> <p>– Но в какой же позиции мы атакуем его? Я был на аванпостах нынче, и нельзя решить, где он именно стоит с главными силами, – сказал князь Андрей. Ему хотелось высказать Долгорукову свой, составленный им, план атаки.</p> <p>– Ах, это совершенно всё равно, – быстро заговорил Долгоруков, вставая и раскрывая карту на столе. – Все случаи предвидены: ежели он стоит у Брюнна... И князь Долгоруков быстро и неясно рассказал план флангового движения Вейротера [Толстой 1:317].</p> <p>После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее, важнейшим эпизодом войны 1812 года историки признают движение русской армии с Рязанской на Калужскую дорогу и к Тарутинскому лагерю – так называемый фланговый марш за Красной Пахрой. Историки приписывают славу этого гениального подвига различным лицам и спорят о том, кому, собственно, она принадлежит. Даже иностранные, даже французские историки признают гениальность русских полководцев, говоря об этом фланговом марше. Но почему военные писатели, а за ними и все, полагают, что этот фланговый марш есть весьма глубокомысленное изобретение какого-нибудь одного лица, спасшее Россию и погубившее Наполеона, – весьма трудно понять [Толстой 2:462].</p>

фланкер / фланкёр (2)	46,75,92	–	<p>В это время начальник показался на мосту. Денисов поскакал к нему.</p> <p>– Ваше пг'восходительство! позвольте атаковать! я их опг'окину.</p> <p>– Какие тут атаки, – сказал начальник скучливым голосом, морщась, как от докучливой мухи. – И зачем вы тут стоите? Видите, фланкеры отступают. Ведите назад эскадрон [Толстой 1:178].</p> <p>– Поверьте, – говорил князь Долгоруков, обращаясь к Багратиону, – что это большие ничего как хитрость: он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтобы обмануть нас.</p> <p>– Едва ли, – сказал Багратион, – с вечера я их видел на том бугре; коли ушли, так и оттуда снялись. Г. офицер, – обратился князь Багратион к Ростову, – стоят там еще его фланкёры?</p> <p>– С вечера стояли, а теперь не могу знать, ваше сиятельство. Прикажете, я съезжу с гусарами, – сказал Ростов [Толстой 1:327].</p>
фланкерский / фланкёрский (2)	46	–	<p>Ростов в эту ночь был со взводом во фланкёрской цепи, впереди отряда Багратиона. Гусары его попарно были рассыпаны в цепи; сам он ездил верхом по этой линии цепи, стараясь преодолеть сон, непреодолимо-клонивший его. Назади его видно было огромное пространство неясно-горевших в тумане костров нашей армии; впереди его была туманная темнота [Толстой 1:325].</p> <p>Еще недавно на дороге, встретившись с французским раненым полковником, Ростов разгорячился, доказывая ему, что не может быть мира между законным государем и преступником Бонапарте. Поэтому Ростова странно поразил в квартире Бориса вид французских офицеров в тех самых мундирах, на которые он привык совсем иначе смотреть из фланкерской цепи [Толстой 1:500].</p>
флеш / флешь (21)	29,38,134,137	–	<p>Потом под гору и на гору они проехали вперед через поломанную, выбитую, как градом, рожь, по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флешии [род укрепления. (Примеч. Л.Н. Толстого.)], тоже тогда еще копаемые [Толстой 2:202].</p> <p>В диспозиции сказано, первое: чтобы устроенные на выбранном Наполеоном месте батареи с имеющими выравняться с ними орудия пернетти и Фуше, всего сто два орудия, открыли огонь и засыпали русские флешии и редут снарядами [Толстой 2:219]; Перекатная пальба пушек и ружей усиливалась по всему полю, в особенности влево, там, где были флешии Багратиона, но из-за дыма выстрелов с того места, где был Пьер, нельзя было почти ничего видеть [Толстой 2:233]; Не только с того места внизу, где он стоял, не только с кургана, на котором стояли теперь некоторые его генералы, но и с самых флешей, на которых находились теперь вместе и попеременно то русские, то французские, мёртвые, раненые и живые, испуганные или обезумевшие солдаты, нельзя было понять того, что делалось на этом месте. В продолжение нескольких часов на этом месте, среди неумолкаемой стрельбы, ружейной и пушечной, то появлялись одни русские, то одни французские, то пехотные, то кавалерийские солдаты; появлялись, падали, стреляли, сталкивались, не зная, что делать друг с другом, кричали и бежали назад [Толстой 2:239].</p> <p>С флеш они поехали еще левее дорогою, вьющегося по частому, невысокому березовому лесу [Толстой 2:202]; Когда с левого фланга прискакал Щербинин с донесением о занятии французами флешей и Семеновского, Кутузов, по звукам поля сражения и по лицу Щербинина угадав, что известия были нехорошие, встал, как бы разминая ноги, и, взяв под руку Щербинина, отвел его в сторону [Толстой 2:247].</p>
фронт (36)	45,115	1703	<p>Полковой командир имел вид человека, счастливо совершающего одно из самых торжественных дел жизни. Он похаживал перед фронтом и, похаживая, подрагивал на каждом шагу, слегка изгибаясь спиной. Видно, было, что полковой командир любит своим полком, счастлив им, что все его силы душевные заняты только полком [Толстой 1:140].</p> <p>Третья рота была последняя, и Кутузов задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступил из свиты и по-французски тихо сказал:</p> <p>– Вы приказали напомнить о разжалованном Долохове в этом полку.</p> <p>– Где тут Долохов? – спросил Кутузов. Долохов, уже переодетый в солдатскую серую шинель, не дожидаясь, чтоб его вызвали. Стройная фигура белокурого с ясными голубыми глазами солдата выступила из фронта. Он подошел к главноком-</p>

			<p>мандующему и сделал на караул [Толстой 1:146].</p> <p>Знакомая павлоградцам, с высокоподнятыми плечами, фигура Жеркова (он недавно выбыл из их полка) подъехала к полковому командиру. Жерков, после своего изгнания из главного штаба, не остался в полку, говоря, что он не дурак во фронте ляжку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше, и умел приспособиться ординарцем к князю Багратиону. Он приехал к своему бывшему начальнику с приказанием от начальника ариергарда [Толстой 1:178].</p> <p>– Лазарев! – нахмурившись прокомандовал полковник; и первый по ранжиру солдат, Лазарев, бойко вышел вперед.</p> <p>– Куда же ты? Тут стой! – зашептали голоса на Лазарева, не знавшего куда ему идти. Лазарев остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, как это бывает с солдатами, вызываемыми перед фронт [Толстой 1:507].</p> <p>Князь Андрей, точно так же как и все люди полка, нахмуренный и бледный, ходил взад и вперед по лугу подле овсяного поля от одной межи до другой, заложив назад руки и опустив голову. Делать и приказывать ему нечего было. Все делалось само собою. Убитых оттаскивали за фронт, раненых относили, ряды смыкались. Ежели отбежали солдаты, то они тотчас же поспешно возвращались [Толстой 2:252].</p>
фронтной (2)	46	–	<p>Ростов в кампании позволял себе вольность ездить не на фронтной лошади, а на казацкой. И знаток и охотник, он недавно достал себе лихую донскую, крупную и добрую игреневую лошадь, на которой никто не обскакивал его. Ехать на этой лошади было для Ростова наслаждение. Он думал о лошади, об утре, о докторши и ни разу не подумал о предстоящей опасности [Толстой 2:65].</p> <p>В настоящей русской литературе, от гимназиста до ученого историка, нет человека, который не бросил бы своего камушка в Александра I за неправильные поступки его в этот период царствования. «Он должен был поступить так-то и так-то. В таком случае он поступил хорошо, в таком дурно. Он прекрасно вел себя в начале царствования и во время 12-го года; но он поступил дурно, дав конституцию Польше, сделав Священный Союз, дав власть Аракчееву, поощряя Голицына и мистицизм, потом поощряя Шишкова и Фотия. Он сделал дурно, занимаясь фронтной частью армии; он поступил дурно, рассказав Семеновский полк, и т. д.» [Толстой 2:628].</p>
шинель (70)	45,141, 143,148	–	<p>Впереди, в дыму, уже были видны ряды серых шинелей, и офицер, увидав Багратиона, с криком побежал за солдатами, шедшими толпой, требуя, чтоб они воротились [Толстой 1:225].</p> <p>Когда доктор ушёл, уведя свою жену, и поместился с нею в кибиточку, офицеры улеглись в корчме, укрывшись мокрыми шинелями; но долго не спали, то переговариваясь, вспоминая испуг доктора и веселье докторши, то выбегая на крыльцо и сообщая о том, что делалось в кибиточке» [Толстой 2:63-64],</p> <p>– Посадите, посадите, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату. – А где офицер раненый? – Сложили, кончился, – ответил кто-то. – Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Антонов [Толстой 1:239]</p> <p>За этим солдатом четыре солдата, неся что-то тяжёлое на шинели, прошли мимо костра. Один из них споткнулся [Толстой 1:242].</p> <p>Аудитор, полный мужчина с полным лицом, с наивною улыбкой радости оглядывался вокруг, трясясь на своей лошади, представляя странный вид в своей камлотовой шинели на фуриштатском седле среди гусар, казаков и адъютантов [Толстой 1:221]; Солдаты шиняли беспрестанно взад и вперёд мимо пожара, и Алпатыч видел, как два солдата и с ними какой-то человек во фризовой шинели тащили из пожара через улицу на соседний двор горевшие брёвна; другие несли охапки сена [Толстой 2:121].</p> <p>При приближении главнокомандующего говор замолк, и все глаза уставились на Кутузова, который в своей белой с красным околышем шапке и ватной шинели, горбом сидевшей на его сутуловатых плечах, медленно подвигался по дороге [Толстой 2:581].</p> <p>Он смотрел на армянское семейство и двух французских солдат, подошедших к армянам. Один из этих солдат, маленький вертлявый человечек, был одет в синюю шинель, подпоясанную верёвкой. На голове его был колпак, и ноги были босые</p>

			<p>[Толстой 2:393]; Немного сзади, на худой, тонкой киргизской лошаде́нке с огромным хвостом и гривой и с продранными в кровь губами, ехал молодой офицер в синей французской шинели [Толстой 2:522].</p> <p>Наполеон стоял несколько впереди своих маршалов на маленькой серой арабской лошади, в синей шинели, в той самой, в которой он делал итальянскую кампанию [Толстой 1:334].</p> <p>Такая же толпа людей, как на дешёвых товарах, наполняла Гостинный двор во всех его ходах и переходах. Но не было ласково-приторных, заманивающих голосов гостинодворцев, не было разносчиков и пёстрой женской толпы покупателей – одни были мундиры и шинели солдат без ружей, молчаливо с ношами выходивших и без ноши входивших в ряды [Толстой 2:329].</p>
шинелька (1)	144	–	<p>Во время проезда маршала пленные сбились в кучу, и Пьер увидел Каратаева, которого он не видал еще в нынешнее утро. Каратаев в своей шинельке сидел, прислонившись к берёзе [Толстой 2:552].</p>
эполет / эполета / эполеты (8)	141,146	–	<p>Толпа состояла из малого числа русских и большого числа наполеоновских войск вне строя: немцев, итальянцев и французов в разнородных мундирах. Справа и слева столба стояли фронты французских войск в синих мундирах с красными эполетами, в штиблетах и киверах [Толстой 2:435].</p> <p>Полковой командир был пожилой, сангвинический, с седеющими бровями и бакенбардами генерал, плотный и широкий больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому. На нем был новый, с иголочки, со слежавшимися складками мундир и густые золотые эполеты, которые как будто не книзу, а кверху поднимали его тучные плечи [Толстой 1:140]; Ярко горели восковые свечи, блестели серебро и хрусталь посуды, наряды дам и золото и серебро эполет; вокруг стола сновали слуги в красных кафтанах; слышались звуки ножей, стаканов, тарелок и звуки оживленного говора нескольких разговоров вокруг этого стола [Толстой 1:257].</p> <p>Князь Андрей уезжал на другой день вечером. Старый князь, не отступая от своего порядка, после обеда ушел к себе. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одевшись в дорожный стюртук без эполет, в отведенных ему покоях укладывался с своим камердинером. Сам осмотрев коляску и укладку чемоданов, он велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: икатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистолета и шашка, подарок отца, привезенный из-под Очакова [Толстой 1:130].</p> <p>Полковой командир отыскал в рядах Долохова и придержал лошадь. – До первого дела – эполеты, – сказал он ему. Долохов оглянулся, ничего не сказал и не изменил выражения своего насмешливо улыбающегося рта [Толстой 1:147].</p> <p>Уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов. (Он ясно видел одного старого французского офицера, который вывернутыми ногами в штиблетах с трудом шел в гору.) [Толстой 1:228].</p> <p>Едва кавалергарды миновали Ростова, как он услышал их крик: «Ура!» и оглянувшись увидел, что передние ряды их смешивались с чужими, вероятно французскими, кавалеристами в красных эполетах. Дальше нельзя было ничего видеть, потому что тотчас же после этого откуда-то стали стрелять пушки, и всё застлалось дымом [Толстой 1:347].</p> <p>Это был Анатолий Курагин, которого она давно видела и заметила на петербургском бале. Он был теперь в адъютантском мундире с одной эполетой и эксельбантом. Он шел сдержанной, молодецкой походкой, которая была бы смешна, ежели бы он не был так хорош собой и ежели бы на прекрасном лице не было бы такого выражения добродушного довольства и веселия [Толстой 1:686].</p>
эскадрон (59)	45,105	–	<p>– Какие тут атаки, – сказал начальник скучливым голосом, морщась, как от докучливой мухи. – И зачем вы тут стоите? Видите, фланкеры отступают. Ведите назад эскадрон. Эскадрон перешел мост и вышел из-под выстрелов, не потеряв ни одного человека. Вслед за ним перешел и второй эскадрон, бывший в цепи, и последние казаки очистили ту сторону. Два эскадрона павлоградцев, перейдя мост, один за другим, пошли назад на гору. Полковой командир Карл Богданович Шуберт подъехал к эскадрону Денисова и ехал шагом недалеко от Ростова, не обращая на него никакого внимания, несмотря на то, что после бывшего столкновения за Телянина, они виделись теперь в первый раз [Толстой 1:178].</p> <p>По доскам моста раздались прозрачные звуки копыт, как будто скакало несколько лошадей, и эскадрон, с офицерами</p>

			<p>вперед по четыре человека в ряд, растянулся по мосту и стал выходить на ту сторону [Толстой 1:175].</p> <p>На бугре у неприятеля показался дымок выстрела, и ядро, свистя, пролетело над головами гусарского эскадрона. Офицеры, стоявшие вместе, разъехались по местам. Гусары старательно стали выравнивать лошадей. В эскадроне всё замолкло. Все поглядывали вперед на неприятеля и на эскадронного командира, ожидая команды. Пролетело другое, третье ядро. Очевидно, что стреляли по гусарам; но ядро, равномерно-быстро свистя, пролетало над головами гусар и ударялось где-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждом звуке пролетающего ядра, будто по команде, весь эскадрон с своими однообразно-разнообразными лицами, сдерживая дыхание, пока летело ядро, приподнимался на стременах и снова опускался [Толстой 1:176].</p> <p>Через полчаса выстроенный эскадрон стоял на дороге. Послышалась команда: «Садись!» – солдаты перекрестились и стали садиться. Ростов, выехав вперед, командовал: «Марш!» – и, вытянувшись в четыре человека, гусары, звуча шлепаньем копыт по мокрой дороге, брэнчаньем сабель и тихим говором, тронулись по большой, обсаженной березами дороге, вслед за шедшей вперед пехотой и батареей [Толстой 2:64].</p>
эскадронный (б)	46	–	<p>Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Юнкер Ростов с тех самых пор, как он догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром [Толстой 1:157].</p> <p>Богучарово находилось последние три дня между двумя неприятельскими армиями, так что так же легко мог зайти туда русский арьергард, как и французский авангард, и потому Ростов, как заботливый эскадронный командир, желал прежде французов воспользоваться тем провиантом, который оставался в Богучарове [Толстой 2:159].</p> <p>В это время по дороге от барского дома показались две женщины и человек в белой шляпе, шедшие к офицерам.</p> <p>– В розовом моя, чур не отбивать! – сказал Ильин, заметив решительно подвигавшуюся к нему Дуняшу.</p> <p>– Наша будет! – подмигнув, сказал Ильину Лаврушка.</p> <p>– Что, моя красавица, нужно? – сказал Ильин, улыбаясь.</p> <p>– Княжна приказали узнать, какого вы полка и ваши фамилии?</p> <p>– Это граф Ростов, эскадронный командир, а я ваш покорный слуга [Толстой 2:160].</p>

* В скобках приведена частотность русских транслитерированных батальных галлицизмов в «Войне и мире» Л. Н. Толстого

** Хронология (первая фиксация в русских источниках) приводится по Словарю русского языка XVIII века, словарям русского языка (БАС, МАС) и этимологическим словарям: знаком «←» обозначены слова, данные о времени вхождения которых отсутствуют в словарях; «п.э.» – первая фиксация слова в словарях в петровскую эпоху; «17 в.» – слово в русском языке известно с XVII века

*** Обозначение нетранслитерированных батальных галлицизмов в «Войне и мире» Л. Н. Толстого